

Тайна Скалистого маяка

Пролог

(Из судового журнала корвета «Патриот»)

3 сентября 1939 года.

Корвет «Патриот» следовал на восток по проливу Ла-Манш с целью разработки мероприятий по защите южной береговой линии Англии в условиях войны. Когда ночью начался шторм, корвет находился недалеко от порта Гастингс, и я решил переждать непогоду в его гавани, куда направился, ориентируясь на Скалистый маяк.

Мы уже почти достигли цели, когда в 23:31 маяк внезапно потух, из-за чего в условиях недостаточной видимости и тумана, в 23:52 судно столкнулось со скалой. Столкновение привело к повреждению носовой части судна, образованию пробоины в борту, и затоплению нескольких отсеков. Но, благодаря самоотверженным действиям экипажа, пробоину удалось заделать, и судно осталось на плаву.

Имеются пострадавшие, им оказана медицинская помощь.

Я немедленно связался с береговыми службами, сообщил о потухшем маяке, и вызвал спасателей.

Корабль подлежит ремонту.

Запись произвел: Капитан корвета "Патриот" Артур Свенсон.

Глава 1. Звездный каталог Ван Марча

Хорошо помню тот октябрьский день. По окнам стучал нескончаемый дождь, и закрытое тучами небо не обещало ничего хорошего. Мы пили чай с ароматным медом с пасеки Шерлока Холмса и круассанами, приготовленными нашей квартирной хозяйкой мисс Оливией Хадсон, к ней по наследству перешла квартира на Бейкер Стрит 221Б от ее покойной бабушки.

Я только что вернулся из редакции «Стренда», куда отнес описание нашей с Ирен поездки в Москву, где по пеплу сигарет «Герцеговина Флор», которые курил Иосиф Сталин, нам удалось предотвратить международный скандал, связанный с речью 5 марта Уинстоном Черчиллем в Вестминстерском колледже в Фултоне. Вышел неплохой сюжет, и я получил гонорар, который позволит нам продержаться, пока появится новое дело.

– А я собиралась навесить подругу, – подошла к окну Ирен, – она уже работает в больнице в Лондоне, может там найдется местечко и для меня. Ты помнишь Эмму Свенсон, она помогла нам в госпитале задержать шпиона.

– Такая рыженькая, с веснушками? Нет, не помню, – пошутил я, – ничего, наведишь ее завтра.

Я подошел к журнальному столику, где лежала груда газет, и взял «Таймс» с надеждой найти объявления о поиске пропавших людей, но остановился на первой странице.

– Ирен, есть интересная новость: первого октября закончился Нюрнбергский процесс по делу главарей Гитлеровской Германии. Нашу страну представлял Хартли Шоукросс, ты помнишь его дело о говорящем попугае? Он прочел обвинительное заключение, назвав нацистов убийцами с черными сердцами, подобных которым не знал мир. К смертной казни приговорены двенадцать человек. Смотри, тут что-то еще лежит под газетами.

Я отодвинул газеты и обнаружил незнакомую большую книгу. Посетители, не застав нас, нередко оставляют какие-то вещи, и Ирен, лукаво улыбнувшись, спросила:

– Джон, как ты думаешь, кто и зачем мог принести нам книгу? Ну-ка, примени дедуктивный метод моего деда!

Я включился в игру, достал увеличительное стекло и начал внимательно рассматривать книгу.

– Значит так, это старинная книга по астрономии, звездный каталог Ван Марча, ей двести лет. Ее оставил, несомненно, почтенный ученый астроном.

Я открыл обложку.

– На титульном листе в верхнем левом углу написано, где и когда куплена книга. Владелец книги, видимо имеет привычку подписывать свои книги, значит у него большая библиотека. Мне ясно, старик-астроном на пенсии и хочет книгу продать.

– Тогда зачем он принес ее нам?

– Просто перепутал адрес и, вместо букиниста, что живет на Бейкер-стрит 221А принес нам на 221Б. Но, не застав нас, решил немного прогуляться, а книга тяжелая, и он не захотел ее таскать с собой. Или я в чем-то ошибся?

– В последнем ты прав, книга тяжелая и наш посетитель не захотел ее таскать с собой. В остальном ты ошибся. Книгу принес молодой офицер.

– Ирен, у тебя богатое воображение, всюду тебе видятся молодые офицеры. Какие у тебя доказательства?

– Элементарно, Ватсон! Здесь на упаковке книги есть имя: Александр Джонсон. Он молодой офицер, тоже лечился от ранения в нашем госпитале во время высадки в Нормандии.

– В таком случае, зачем он принес нам книгу?

– Мы сейчас узнаем.

Постучалась мисс Хадсон.

– К вам посетитель, а я только что вымыла пол. Не мог подождать до завтра.

А за ее спиной мы увидели молодого офицера, который снял мокрый плащ и отдал его недовольной хозяйке.

– Я здесь проездом и, действительно, не мог подождать до завтра, – извинился гость.

Ирен предложила ему стул, а он, бросив взгляд на журнальный столик, сказал:

– Я вижу, вы интересуетесь Нюрнбергским процессом? Я только что вернулся оттуда, охранял нашу делегацию.

– Как интересно, – воскликнула Ирен, – и вы лично видели всю банду?

– Лично видел. Старые и больные люди. Совсем не похожи на кровавых извергов. Мне их было просто жалко. Но я пришел не для того чтобы поделиться с вами впечатлениями о суде. Позвольте представиться: лейтенант Александр Джонсон. С кем имею честь?

– Ирен Холмс.

– Джон Ватсон.

Мы пожали друг другу руки.

– Если я правильно понял, вы специализируетесь на поиске пропавших людей?

– Александр, хотите чаю? Похоже, вы продрогли, у вас холодная рука, я сейчас принесу, – Ирен поспешно встала и ушла в кухню.

– Мистер Ватсон, я читал ваши заметки и решил, что репутация вашего деда и деда миссис Ирен, я правильно ее назвал? – лучшее свидетельство беспристрастного расследования дела, которое я хочу вам изложить.

– Вы правильно меня назвали, – вышла их кухни с подносом Ирен, – мы с Джоном уже год, как женаты. У вас кто-то пропал?

– Пропал мой отец. Вы знаете историю Скалистого маяка, что в Восточном Суссексе?

– Я что-то слышал, кажется, там пропали три зрителя, – вспомнил я.

– Да, и среди них мой отец. Расследование тогда вел Совет южных маяков и пришел к выводу, что все трое самовольно покинули маяк, который потух, что привело к крушению судна. И на этом основании они не назначили семьям пропавших пенсий по случаю утери кормильца. Это дело рассматривалось в суде, который заочно признал пропавших виновными.

– Прошло несколько лет, почему вы вспомнили об отце именно сейчас? – спросил я.

– Мы вам очень сочувствуем, потеря такого близкого человека – большое горе для семьи. Мистер Джонсон, что мы можем для вас сделать? – присоединилась Ирен.

– Найдите моего отца и снимите с него позорное обвинение. Я чувствую, что он жив и ни в чем не виноват.

– Наверное, он вам приснился живой? Мне иногда снится мой покойный отец, – посочувствовала Ирен.

– Ирен, дай человеку изложить свое дело, – достал блокнот и ручку, – мы вас слушаем.

Глава 2. Нюрнбергский процесс

– Эту книгу мне принесла Джессика, горничная моего этажа, – начал лейтенант, – английской делегации была отведена специальная гостиница, но обслуживали ее немцы.

Она днем для гостей играла на рояле, который стоял в приемной, и многие специально спускались вниз послушать ее игру. Нас предупредили, никакого приставания к обслуживающему персоналу, любая жалоба коменданту будет немедленно расследована и виновный сурово наказан.

Но никто не мог мне запретить любоваться красивой Джессикой, ее стройной фигуркой, нежными чертами лица, зелеными глазами с длинными ресницами, изогнутыми черными бровями и каштановыми вьющимися волосами. На вид ей было 17-18 лет. Сначала она меня просто боялась и, принося свежие цветы или графин с водой, испуганно вздрагивала, когда я обращался к ней с каким-нибудь вопросом. Потом немного освоилась, и когда я предложил ей со

мной поужинать, согласилась, и с удовольствием уплетала давно забытые яства. Она жила с матерью, отец погиб на войне, и когда я ей предложил отнести домой часть моего офицерского пайка, она благодарно улыбнулась. Так начался наш роман. Хотите на нее посмотреть? Вот ее фотография.

Я посмотрел на хорошенькое девичье личико, фотограф пытался подражать голливудским стандартам, голова ее была несколько повернута, так чтобы был хорошо виден ее ровный аккуратный носик, а глаза с прямыми зрачками смотрели прямо на меня, и как я ни поворачивал фотографию, ее взгляд проникал прямо в душу!

– Книгу она занесла ко мне в номер на третий день, – продолжал лейтенант, – сказала, что принес ее какой-то посыльный, больше ничего от нее я добиться не смог. Видите, на обертке написано «Александру Джонсону в собственные руки».

Когда я развернул упаковку, в ней оказалась книга: звездный каталог Ван Марча, изданная в Швеции почти двести лет назад. Мои руки дрогнули – такая книга была у моего пропавшего отца. Он увлекался астрономией и даже установил телескоп на балконе нашего дома. Отец долго охотился за ней, заплатил большие деньги и очень гордился, когда ее купил, а в свободное время осторожно листал пожелтевшие страницы. В последний раз я видел эту книгу в тот день 3 сентября 1939 года, когда отец отправлялся на вахтенное дежурство на маяк. Он взял ее с собой, надеясь в свободное время изучать звезды.

Увидев книгу, я машинально открыл обложку и, я не считаю себя слишком эмоциональным человеком, вы знаете, военная служба не терпит эмоций, но я чуть не выронил ее на пол. Видите, на титульном листе в верхнем левом углу надпись: «Куплена в Готтебурге 26 марта 1935 года» и ниже – подпись. Это подпись моего отца. У него была такая привычка, при покупке книг, указывать, где и когда они куплены. Это книга моего пропавшего отца, которую он, я повторюсь, взял с собой на ту злополучную вахту. Вы думаете, моего отца могла смыть в воду волна, когда он держал в руках книгу? Если бы книга побывала в воде, она выглядела бы иначе.

– Она не побывала в воде, – рассматривая книгу, согласилась Ирен, – вы пытались узнать, кто ее принес?

– Да, я расспрашивал швейцара и портье, никто на этого рассыльного не обратил внимания, в гостиницу часто что-то приносят. Но, я решил, что мой отец жив. Если бы он утонул, вы сейчас не держали бы в руках книгу, которую он взял с собой на последнее дежурство.

– Оставьте нам на время книгу, – попросил я, – мы возьмемся за поиск вашего отца. Напишите, пожалуйста, ваш адрес или телефон. Вы знаете адрес горничной? Вероятно, надо будет с ней встретиться.

– Я вам не сказал, мы с Джессикой обвенчались, и сейчас она живет у моей матери. Я не знаю, куда меня завтра занесет военная служба, но при первой возможности, я сам вас навещу. Вот аванс и, на всякий случай, адрес моей матери.

– Адреса не достаточно, – я подвинул к гостю бумагу и ручку, – пожалуйста, напишите записку своей матери, что вы поручили нашей фирме открыть дело по поиску вашего отца и просите мать оказать в этом нам всемерную помощь.

– Вот записка. Как вы думаете, увижу я своего отца?

– Мы не можем вам дать такого обещания, мистер Джонсон, – заметила Ирен, – но сделаем все возможное. Александр, раз уж нам так повезло, встретиться с человеком, который был на Нюрнбергском процессе, может быть, вы что-нибудь расскажете нам, чего нет в газетах?

– Да, например, у главного судьи украли председательский молоток, которым он вел заседание. Что еще? Русская переводчица споткнулась и чуть не упала, если бы ее не подхватил, знаете кто, Геринг, которого вели в зал. И перед тем, как выпустить ее из своих объятий, он сказал: «Осторожнее, детка». Потом шутили: она была последней женщиной, которую обнимал

Геринг. Да, еще одна американская журналистка пообещала отдаться любому, кто ей первой сообщит приговор. Что еще? Французский журналист приклеил на пропуск фотографию своего любимого четвероногого мопса в спортивной шапочке и при галстук. Американская охрана не заметила подлога и егопустила. Вероятно, журналист заключил пари, что сможет обмануть караул. А он действительно был похож на своего мопса.

Последнее сообщение несколько разрядило обстановку.

Наш гость встал, еще раз внимательно посмотрел на Ирен, отчего она слегка порозовела.

– Миссис Ирен, а мы уже встречались! Вы ведь работали во время нашей высадки в госпитале в городе Кале?

– Да, я работала в том госпитале. Очень рада, что вы пришли именно к нам.

– Господа, я жду хороших новостей.

С этими словами он поклонился, торопливо вышел, надел в прихожей свой плащ и исчез, а через минуту вошла мисс Хадсон.

– А ваш посетитель, когда одевался, кое-что уронил, это, наверное, его немецкая подружка? Здесь штамп Нюрнбергского фотоателье – и она положила на стол уже знакомую нам фотографию.

Глава 3. Скалистый маяк

Когда наш посетитель ушел, я разыскал в доставшейся нам от дедушки Ирен Британской энциклопедии том на букву «М» и открыл статью о маяках.

– Вот, слушай, Ирен! «Скалистый маяк» был построен в 1838 году у скал Восточного Суссекса на южном побережье Британии для обслуживания судов, проходящих по проливу Ла-Манш. Дальность свечения маяка составляет 25 морских миль. Высота света над уровнем моря – 41 м. Свет от ацетиленового источника проходит через 250 зеркал. Огонь – 1 вспышка белого света интенсивностью 927 тыс. кандел каждые 5 сек. К фонарю ведут 94 крутые ступени, а высота башни составляет 27 метров. Маяк регулярно используется для испытания новых ламп, противотуманных средств и возможного получения электроэнергии от солнечных батарей. На нем постоянно находятся трое дежурных».

– Девяносто четыре крутые ступени не для слабаков, – заметила Ирен, – там могли дежурить только крепкие парни. А что такое кандела?

– Про этот маяк все.

– Тогда давай подытожим, что нам известно, – она разложила на столе книгу, обертку и фотографию, – Джон, что ты скажешь?

– Относительно этих вещественных доказательств? Нам известно, что книга «Звездный каталог Ван Марча» проделала немалый путь от Скалистого маяка до города Нюрнберга. Она в отличном состоянии, в воде не побывала. Не запачкана, не помята, по дороге ее кто-то тщательно берег. Не удивительно, книга старинная и дорогая. Обертка, судя по форме, от этой книги. На ней написано: «Александру Джонсону в собственные руки». Кто-то узнал, что наш лейтенант остановился в этой гостинице. Обратного адреса нет, отправитель пожелал остаться неизвестным. Теперь о фотографии. Красивая девушка, на обороте трогательная надпись: «Дорогому Александру Джонсону с благодарностью за заботу и поддержку. Джессика. 3 октября 1946 года». На фотографии есть штамп: сделана в Нюрнберге в фотоателье номер 6. И дата – 29 сентября 1946 года. Видимо, горничная специально сфотографировалась, чтобы дать на память свою фотографию красивому британцу. Ты что-то добавишь?

– Наш клиент внушает доверие. Поэтому примем пока на веру сообщение о том, что его отец в то трагическое дежурство взял эту книгу с собой. Кстати, надо изучить материалы расследования: нашли ли на маяке эту книгу после исчезновения ее хозяина, или она исчезла вместе с ним?

– Ирен, а что ты думаешь относительно остальных двоих? Ведь они тоже бесследно исчезли.

– Я думаю, что они несчастные люди. Но относительно их остается тот же вопрос: надо узнать, какие вещи они взяли с собой на дежурство и остались ли на маяке какие-то их вещи, если предположить, что владельцы утонули во время шторма.

– Ирен, наш клиент уверен, что исчезновение дежурных на маяке произошло 3 сентября 1939 года, в тот самый день, когда Англия в 11 часов утра объявила войну Германии. Тогда по радио выступил Чемберлен и объяснил это решение нападением Германии на Польшу. Как ты думаешь, это случайное совпадение?

– Не стоит строить догадок, мы ведь находимся в начале пути. Сегодня уже поздно, и ты обещал сходить со мной на фильм «Серенада Солнечной долины» с участием оркестра Глена Миллера. Помнишь наше первое дело, которое ты описал под заголовком «Случай с тромбоном»? Глена Миллера ведь так и не нашли.

Вот что сделаем завтра: сходим в библиотеку, посмотрим старые газеты и выпишем все, что касается этих событий на Скалистом маяке. И узнаем, что такое кандела.

– Ирен, а может мне съездить и познакомиться с горничной. Ведь это она принесла книгу нашему лейтенанту. Помнишь, как твой дед расследовал исчезновение леди Френсис Карфэкс? Она уехала из гостиницы, и больше о ней ничего не было слышно. Вдруг в одном из ломбардов появляется ее подвеска. За ломбардом установили наблюдение, и вышли на след человека, заложившего подвеску.

– А если бы книгу ему принесла старуха, ты бы тоже рвался с ней встретиться? Сердце красивой Джессики уже занято молодым лейтенантом. Нет, завтра мы едем в библиотеку, а с горничной познакомлюсь я, но сначала надо к этому подготовиться и быть во всеоружии.

– Слушаюсь, миссис Холмс!

– А сейчас позови нашу хозяйку, мы ведь ей должны за прошлый месяц. И извинись за клиента, который наследил на свежевывытом полу.

Глава 4. Больше вопросов, чем ответов

За старыми газетами я предложил зайти в библиотеку Британского музея. Я люблю тишину ее читального зала. Это наиболее полная библиотека в Лондоне, созданная благодаря, подаренным сэром Робертом Коттоном государству рукописям и книгам. Посетителей было немного, и мы заняли стол у южного окна, где было светлее. Библиотекари уже меня хорошо знали и нередко откладывали новинки.

– Нам нужны старые газеты, – попросил я, – за сентябрь 1939 года.

– Это когда Великобритания объявила войну Германии? Посмотрите пока свежие новости, а мы для вас подберем нужный материал.

Вскоре на наш стол легли четыре подшивки старых газет,

– Здесь, вы найдете все о начале войны.

– Поделим пополам: ты просмотришь «Таймс», «Дейли Экспресс», а я – «Дейли Телеграф» и «Пикче Пост», – распорядилась Ирен.

1 сентября в газете «Таймс» было напечатано письмо читателя, обращенное к главному редактору.

"Сэр, остается надеяться, что если война начнется, библиотека Британского музея не будет закрыта. Как стало ясно во время предыдущей войны, библиотеки играют огромную роль в поддержании духа народа, а также являются источником информации, моральной поддержкой во времена сражений, опасности и стресса. Не правда ли, власти должны заботиться не только о физическом убежище для детей, но и об убежище для их умов?".

А в «Дейли Экспресс» я прочел речь премьер-министра Невилла Чемберлена и радиообращение короля Георга Шестого.

Ирен узнала, что 27-летняя британка Клэр Холлингсуорт, работавшая всего одну неделю в «Дейли Телеграф», первая сообщила газете о начале Второй мировой войны. Ранним утром 1 сентября 1939 года она была в Катовице на юге Польши, ехала на машине недалеко от границы с Германией, увидела немецкие танки в долине в нескольких километрах от нее и, перепуганная, сразу же позвонила. В «Пикче Пост» Ирен показала мне знаменитую фотографию плачущего маленького мальчика, с висящей у него на шее у табличкой с именем и адресом, который держит в руках противогаз.

В первый день войны британские газеты больше походили именно на инструкции по эвакуации с подробными планами вывоза детей и беременных женщин из города и информацией о закрытых участках железных дорог, а «Пикче Пост», памятуя о том, что эвакуируют жителей в основном в сельскую местность, выпустила фотопособие "Как выжить в палатке" с подробным описанием техники разведения огня, сбора хвороста и приготовления пищи в полевых условиях.

Удалось найти и интересующие нас материалы о событиях, случившихся на Скалистом маяке.

Сообщение береговым службам о том, что Скалистый маяк потух, было сделано 3 сентября 1939 года в 23:31 капитаном корвета «Патриот», патрулирующего южное побережье Великобритании. Тот корвет и стал первой жертвой потухшего маяка, он врезался в скалу и получил пробоину. Об этом немедленно был поставлен в известность Южный совет по маякам, однако в виду штормовой погоды отправить помощь на маяк удалось только через **три дня**.

Когда спасатели, во главе со старшим смотрителем Эдвардом Смитом, поднялись на маяк, оказалось что трое дежурной смены: смотритель Роберт Джонсон, его помощник Уильям Моррис и стажер Джеймс Миллер исчезли.

Чтобы провести официальное расследование инцидента на маяк немедленно прибыл суперинтендант Южного совета по маякам сэр Джек Тейлор, который в свое время принимал на работу этих троих и знал их лично. Он тщательно осмотрел все этажи и отсеки маяка.

В составленном им протоколе осмотра указано, что оборудование на маяке находится в порядке, за исключением отсутствия ацетиленовых баллонов, из-за чего маяк потух. Постели были заправлены, стол был накрыт для ужина, мясо, сыр и хлеб на столе остались. Не были обнаружены личные вещи дежурной смены, и исчез приписанный к маяку спасательный катер для экстренной возможности переправить на берег неожиданно заболевшего или получившего травму члена смены. Не запертой оказалась входная дверь.

Джек Тейлор пришел к выводу, что по неизвестным причинам, все трое, не успев поужинать, поспешно захватили свои вещи, и на спасательном катере покинули маяк, но из-за шторма катер перевернулся, и все трое утонули. В протоколе было также отмечено, что оставить самовольно потухший маяк – серьезное правонарушение, и, если бы они благополучно добрались до берега, то их ждало бы суровое наказание и, возможно, судебное разбирательство. Присланный из Лондона констебль Бенджамин Лестрейд произвел вторичный осмотр, и с выводами суперинтенданта Джека Тейлора согласился. Тем не менее, семьям пропавших, проживающих в Суссексе в поселке смотрителей на окраине города Баттл, были оставлены их дома и назначены пенсии.

Вечером мы отменили поход в театр и обсудили результаты сегодняшнего дня.

– После похода в библиотеку британского музея, и просмотра старых газет осталось больше вопросов, чем ответов, – сказал я, – ясно, что найденная книга опровергает официальные результаты расследования и надо начинать все сначала.

Если принять мнение газет, что все трое утонули, но как книга, которую взял с собой на маяк смотритель Роберт Джонсон, оказалась в немецком городе Нюрнберге без каких-либо следов пребывания в воде? И кто-то вернул книгу сыну пропавшего смотрителя, по-видимому, хорошо

понимая, что она вызовет повторное расследование давно закрытого дела? Значит, кто-то заинтересован в том, чтобы дело сняли с полки? Дает ли это надежду, что пропавшие трое или, по крайней мере, владелец книги, живы? С чего начать новое следствие?

– Есть возможность узнать кое-что, не попавшее в газеты, – заявила Ирен, – мой дедушка имеет пасеку в Суссексе, на окраине города Баттла, он несомненно многое знает о событиях на Скалистом маяке. Мы начнем с него. Я уже виделась с Эммой, вакансий для медсестры пока нет.

На следующий день я сходил в магазин и приобрел для мистера Холмса подарок: новый костюм для пчеловода, мы собрались и предупредили мисс Хадсон, что, возможно, несколько дней будем отсутствовать. Пусть она получает всю почту и записывает имена, адреса и телефоны возможных посетителей.

Глава 5. Акациевый мед

Дилижанс довез нас до небольшого старинного города Баттл, что в Восточном Суссексе. Город возник вокруг, построенного еще Вильгельмом I Завоевателем, Бенедиктинского монастыря, в честь победы над англосаксами. Сейчас от монастыря остались одни живописные руины, но город процветает и знаменит своей красивой природой и искусными часовщиками. Шерлок Холмс купил на окраине сельский домик, где живет вместе с экономкой миссис Манро и её сыном Роджером.

Дверь открыла экономка.

– Миссис Ирен, – воскликнула экономка, – как хорошо, что вы приехали, наверное, посоветоваться насчет нового расследования? Ваш дедушка совсем зачах без дел! Он на пасеке, я сейчас пошлю за ним Роджера.

Вскоре появился прославленный детектив в своем рабочем комбинезоне и сетчатой маске. Он откинул маску, снял перчатки и поздоровался.

– Рад вас видеть, я переоденусь, а миссис Манро пока приготовит нам чай.

На столе, покрытом кружевной скатертью, появилось овсяное печенье, тарелка с медом и бутылка ликера.

– Какими судьбами? У вас кончился мед? – с иронией спросил Холмс, – я могу предложить новинку: акациевый мед! Его можно по праву назвать рекордсменом по количеству благотворных свойств среди всех медовых представителей.

– Нет, мы не за медом. Дедушка, чем ты сейчас занят?

– Я только что закончил последнее дело. У миссис Манро пропал домашний пирог, который она поставила остывать на подоконнике. Я провел расследование и выяснил, что крадущим пирог был ни кто иной, как голодный енот, который решил воспользоваться случаем, когда никто не видит. А что сейчас расследует ваша фирма? У мисс Хадсон похитили кресло-качалку?

– Мы приехали, чтобы с тобой посоветоваться по важному делу, – сообщила Ирен, а я достал блокнот и ручку.

– Ого, такое вступление обещает длинный разговор, положу я себе в чай вот это желе из японского перца, которое мне подарили во время поездки в Хиросиму. Рекомендую, оно помогает вернуть увядающую память. Итак?

– Дедушка, ты что-нибудь слышал о пропаже людей на Скалистом маяке?

– На Скалистом маяке? Не только слышал, но участвовал в расследовании. Но это было, дай Бог вспомнить, семь лет назад. Пропали трое, вся смена. Представляешь, приезжает новая смена, а на маяке никого нет! Почему вы интересуетесь этим старым делом? Оно давно закрыто.

– И ты тогда побывал на самом маяке?

– Да. Меня привез туда Бен Лестрейд, ему было поручено расследование, и он хотел узнать мое мнение. Мы добрались до маяка на катере, и чтобы войти, мне пришлось подняться по девяти металлическим скобам, вбитым в кирпичную стенку башни.

– И вы чуть не сорвались, – напомнила экономка, поставив на стол кипящий чайник, – если бы, не Бен...

– Я просто оступился. Миссис Манро, пойдите и взгляните на свой пирог, как бы снова не появился голодный енот, а то мы останемся без ужина. Ирен, ты не ответила на мой вопрос.

– Если ты там побывал, наверное, обратил внимание, остались ли на маяке вещи, которые эти трое захватили из дома с собой на дежурство?

– Мы тогда немедленно сделали опись всех обнаруженных вещей, не хватило книги по астрономии, которую взял с собой на смену старший смотритель, как его звали, я забыл. Эта книга, видимо, утонула вместе с ним.

– Его звали Роберт Джонсон.

– Верно, Роберт Джонсон. Старинная дорогая книга, он с ней не расстался даже в свой последний час. Еще пропали чертежи, над которым работал помощник смотрителя, механик...

– Уильям Моррис.

– Да, и пропал дорогой фотоаппарат стажера...

– Джеймса Миллера.

– Ирен, почему вы ворошите дело семилетней давности?

– Потому что книга по астрономии нашлась!

– Ее выловил какой-то рыбак?

– Нет, эксперты утверждают, что она не побывала в воде. Ее нашли, знаешь где? В Германском городе Нюрнберге.

– Это не ошибка? Таких книг, наверное, было издано несколько.

– Не ошибка. На титульном листе книги написано, где и когда она была куплена, и есть подпись хозяина. Сомнений нет, это – книга Роберта Джонсона.

– И нашли ее хозяина?

– А вот хозяина не нашли. Книгу принес нам Александр, сын Роберта Джонсона, он служил в охране нашей делегации во время Нюрнбергского процесса, там он нашел эту книгу и попросил нас найти его отца.

– Да, неожиданные сюжеты преподносит нам жизнь. Значит, нашлась книга...

– Дедушка, расскажи подробно, как ты участвовал тогда в расследовании, что решили, и почему дело было закрыто? И что не попало в газеты?

Глава 6. Покушение

Мы не справились за один день, мистер Холмс настоял, чтобы мы у него переночевали, а утром он покажет нам свою пасеку, и только потом будет разговор о маяке. После завтрака мы облачились в костюмы, которые можно было бы показать на маскараде. Они включали комбинезоны с вшитыми манжетами на рукавах и брюках, сапоги, чтобы защитить ноги от укусов пчел, и сетчатые маски, которая покрывает голову и лицо. Только после этого нам было разрешено ступить на пасеку.

Там появилось много новых ульев, похожих на стволы деревьев, это придумал Холмс, чтобы в них пчелы чувствовали себя как дома, а вокруг вся территория была покрыта цветами и молодыми деревьями, которые при цветении дают пчелам много нектара и цветочной пыльцы.

– Скоро начнется безвзяточный период, который бывает до 8-ми месяцев, – объяснял Холмс, – на это время я придумал подкормку для пчёл – смесь из сахара, мёда и свежесобранной пыльцы. Джон, ты помнишь воспоминания твоего деда, как я по личной просьбе премьер-министра Великобритании, решил внедриться в шпионскую сеть? Изображая

американского ирландца, ненавидящего Англию, я сумел завоевать доверие немецкого шпиона фон Борка и стал снабжать его искусной дезинформацией. А потом привез ему пакет с секретными документами, за которые потребовал 500 фунтов стерлингов. Когда же он развернул пакет, в нем оказалось написанное мной «Практическое руководство по разведению пчёл». Так вот, сейчас я готовлю новое издание этой брошюры, и если вы на пенсии тоже решите разводить пчел...

– Дедушка, нам далеко до пенсии и мы не собираемся разводить пчел, – прервала его Ирен, – а что это за яма с водой?

– Ты ведь не можешь обойтись без воды? И пчелы хотят пить.

– Для этого ты выкопал яму?

– Я ее не копал, это воронка от мины. Вы все посмотрели? Тогда пойдем в дом, и я отвечу на ваши вопросы.

В небольшом кабинете Холмса, уставленном полками с книгами, банками с подкормкой для пчел и какими-то химическими приборами нам пришлось еще посмотреть черновики его новой книги, и только тогда он согласился рассказать о том времени, когда к нему пришел Бен Лестрейд посоветоваться в связи с пропажей смены на Скалистом маяке.

– Поздно вечером 3 сентября 1939 года, – начал свой рассказ Холмс, – патрулирующее наше южное побережье судно послало береговой службе радио о том, что Скалистый маяк потух. Из-за шторма новая смена, возглавляемая суперинтендантом Управления Южными маяками, прибыла только на третий день и обнаружила, что на маяке никого нет.

Суперинтендант провел расследование и сделал вывод, что три смотрителя по каким-то причинам, воспользовавшись катером, покинули маяк, однако после шторма никакие следы ни катера, ни трех членов смены обнаружены не были. То есть, скорее всего, катер перевернулся, и они утонули.

– Дедушка, а разве эти трое имели право покинуть маяк до прибытия новой смены?

– Конечно, не имели. Но Бен сообщил, что был нюанс: ни кто иной, как этот самый суперинтендант днем послал им радио о том, что из Лондона прибыли специалисты по установке на маяке солнечных батарей и, поэтому, к ним прибудет внеочередная смена. Бен решил, что они поехали навстречу новой смене и затонули из-за шторма.

– Но почему потух маяк? Ведь они могли заправить его горючим на всю ночь?

– Да, но они этого не сделали. Им повезло, сказал Бен, что они утонули, иначе их судили бы, как правонарушителей. Бен спросил мое мнение о происшедшем, и я решил сам побывать на этом маяке и все увидеть собственными глазами. Не хотел бы я служить на маяке. Смену меняют раз в неделю, и смотрители предоставлены сами себе, как на необитаемом острове. Эти трое служили там не первый день и, чтобы покинуть маяк, должно было случиться что-то экстраординарное. Я обратил внимание, что все случилось в день, когда Великобритания объявила Германии войну и, кстати, Бен посчитал это случайным совпадением. А если это не случайное совпадение? Если эти трое не покинули самовольно маяк, а были похищены?

– Это была твоя идея?

– Да, но когда я ее высказал Бену, он ее сходу отверг. Если бы их похитили, сказал Бен, на маяке были бы следы борьбы, они могли бы послать сигнал тревоги, наконец, они были вооружены! Но никаких следов борьбы обнаружено не было, ни следов крови, ни стреляных гильз. Маяк был чист и спокоен, как квартира, из которой жители ушли в кино. В этом и была загадка.

– Похоже, Бен был прав, – вступился я.

– Но я настоял на проверке моей версии. Маяк еще раз был тщательно обследован и мою версию отвергли. Потом началась война, и на меня было совершено покушение.

– Покушение?!

– Вы заметили яму с водой? После моего возвращения с маяка, кто-то проник на пасеку, на дорожке, по которой я ежедневно хожу, закопал мину и натянул незаметную проволочку в самом низу между деревьями. В тот злополучный день я взял с собой Рекса, немецкую овчарку, верой и правдой служившую мне несколько лет и охранявшую мою пасеку. Если бы я его не взял, вы бы не имели счастье сегодня меня видеть. Рекс бежал впереди и зацепил эту проволочку. Грянул взрыв, бедную собаку пришлось собирать по частям, когда я ее хоронил, я плакал как ребенок. Вот откуда воронка, о которой ты спрашивала. Она наполнилась дождевой водой и служит мне поилкой для пчел. А я сразу построил надежную ограду и купил новую овчарку, которая встретила вас лаем.

– Дедушка, а что, если это покушение связано с твоей версией событий на маяке. Кто-то испугался. Если их похитили, все становится на свои места. Я думаю, что на маяке не было следов борьбы, так как среди похитителей мог быть человек, которого эти трое хорошо знали и вполне ему доверяли.

– Мне это тоже приходило в голову. Во время прошедшей войны в Германии была разработана операция «Папирус» по похищению английских специалистов, но никаких доказательств нет. Поэтому моя версия не попала в газеты. И, потом, прошло столько времени...

– Мистер Холмс, с расследования вашей версии мы и начнем, – согласился я.

– Тогда несколько советов. Присмотритесь ко всем, работающим в Управлении южными маяками. Изучите их биографии и личную жизнь и будьте осторожны, возможно, вы встретитесь с опытным и жестоким противником. Сейчас миссис Манро угостит вас акациевым медом! Его можно по праву назвать рекордсменом по количеству благотворных свойств...

– Дедушка, ты это уже говорил.

– Значит, китайское зелье не помогает. Увы, потеря памяти – неизбежный спутник старения и дряхления. Миссис Манро, – спросил Холмс экономку, принесшую мед, – вы ведь бываете в поселке смотрителей и, наверное, знакомы с домами Джонсона, Морриса и Миллера?

– Да, они регулярно покупают у меня мед. А что вас интересует?

– Все, – сказал я, – кто они, как восприняли пропажу смены, что они думают о происшествии на маяке, не имели ли каких-то сведений о пропавших, на какие средства живут, почему остались в поселке смотрителей?

– Я не смогу ответить на все эти вопросы, сэр. Когда я приношу им мед, они платят, мы обмениваемся парой слов. И все. Конечно, им трудно без мужей, но прошло уже столько времени. У миссис Мери Джонсон взрослый сын, он офицер и присылает ей деньги. А миссис Дженни Морис распродает большую библиотеку мужа, в общем, его книги. Да, на крыше у нее живут аисты. Трудней всего миссис Амелии Миллер, она немного не в себе, уверена, что ее сын найдется и бережет его фотографии, хотя за его фото архив ей предлагали немалые деньги. Все трое получают пенсии за погибших мужей, и переезжать никуда не собираются. Да, у миссис Мери Джонсон недавно поселилась невестка-немка, сын влюбился в нее в Германии. Я этого не понимаю, после такой жестокой войны жениться на немке?

– Миссис Манро, я надеюсь, вы не поделились этими своими мыслями с миссис Джонсон? – осведомился Холмс.

– Сэр, за столько лет, вы могли бы уже понять, что я способна держать язык за зубами.

– В таком случае воспользуйтесь этой способностью сейчас: про наш разговор никому ни слова. И принесите к чаю ваше замечательное овсяное печенье... Друзья, интервью у красивой немки лучше взять Ирен, а вам Джон – посетить дома Морриса и Миллера. Скажете, что в связи с Нюрнбергским процессом появились новые данные и, не исключено, что пропавшие смотрители живы. Чтобы вам не ездить туда-сюда, можете пожить у меня. До поселка смотрителей два километра.

– Спасибо, дедушка, – поцеловала Холмса Ирен, – мы так и сделаем, и будем держать тебя в курсе дела, чтобы ты не скучал.

– Мне скучать некогда. Меня ждет новое расследование, у соседей пропал кот! Только, перед поездкой в поселок смотрителей маяка, вам стоит сначала встретиться с Беном Лестрейдом. Покажите ему эту книгу и предложите вытереть пыль с папки семилетней давности. Если он согласится, делу будет дан официальный ход.

– Дедушка, если Бен начнет официально расследование, то нас от этого дела отстранят.

– Вам не могут запретить вести собственное расследование: ваша фирма имеет государственную регистрацию, а между тем, частным лицам люди рассказывают иногда больше, чем полицейским. Но у Скотланд Ярда больше возможностей, они могут вызывать людей на допрос, имеют доступ к секретным архивам, проводят экспертизу улик и многое другое. Просто найдите с Беном общий язык, ведь главное – обнаружить пропавших, если, конечно, они живы, не так ли? А лавры уж вы поделите потом.

И с банкой акациевого меда мы вернулись в Лондон.

Глава 7. Инспектор Лестрейд

Я узнал, что Бенджамин Лестрейд получил повышение: он теперь уже не просто констебль, а инспектор, захочет ли он с нами сотрудничать?

– Захочет, я ему позвоню и напомним про дело, которое ты назвал «Дело о третьем измерении», – заверила Ирен, – как он обращался к нам за помощью, когда из машины, за которой велось непрерывное наблюдение, исчез человек? И мы догадались, что машина остановилась над канализационным люком, человек поднял в машине откидное дно и спустился в низ.

– Ирен, не скромничай, не мы догадались, а это сообразила ты!

– И он тогда сказал, что очень нам обязан и при необходимости, мы можем к нему обратиться.

Ирен сняла трубку.

– Мне нужен инспектор Лестрейд. Очень занят? Скажите, что звонит Ирен Холмс по очень срочному делу. Бен? Я тебя поздравляю с повышением, ты вполне это заслужил. Не откажи в любезности придти к нам сегодня вечером на чай. Нет, это не телефонный разговор. Ты помнишь «Дело о третьем измерении»? И сейчас у тебя есть шанс снова прославиться. Нет, не по телефону. О тебе заговорит вся Англия. В семь часов на том же месте. Так придешь? Ты – настоящий джентльмен! Спасибо. Джон, готовь свой блокнот, он придет.

Бен появился в новой форме и принес небольшой торт.

– О, Бен, как тебе идет этот мундир! – Ирен на минутку прижалась к молодому полицейскому, в чем, на мой взгляд, не было никакой необходимости. Но начало было удачным, мы сели за стол, и я разлил ликер, а Ирен разрешила торт.

– Я вас слушаю. Кто начнет? Ирен?

– Хорошо, начну я, Джон ты непротив?

– Ты уже начала.

– Бен, ты помнишь дело семилетней давности, когда со Скалистого маяка пропали трое смотрителей.

– Помню. Вообще-то, если быть точным, должность смотрителя имел только один из них, другой был помощник, а третий – стажер.

– Ну, не придирайся к словам. Ты ведь участвовал в расследовании? Расскажи, что ты помнишь.

– С чего это вы решили вспомнить старое дело? Оно давно закрыто.

– Бен, ты все узнаешь в ближайший час. Итак, мы тебя слушаем, видишь, Джон уже открыл свой блокнот.

– Как шло расследование? На момент инцидента на маяке были трое: смотритель Роберт Джонсон, помощник Уильям Моррис и практикант Джеймс Миллер.

– У тебя потрясающая память! Ты запомнил их имена и фамилии!

– Первое сообщение, что на маяке что-то неблагополучно, было получено от капитана корабля, проплывавшего мимо Скалистого маяка. Он сообщил, что маяк потух. Сразу же отправиться на маяк не удалось из-за сильного шторма, а потом, когда на маяк прибыла спасательная группа, людей на нем не оказалось. Первое следствие провел суперинтендант Управления южными маяками Джек Тейлор, который решил, что их смыли волны. Был сильный шторм. А когда о происшествии сообщили в Лондон, мне было поручено провести дополнительное расследование.

– И что ты предпринял?

– Сначала тщательно осмотрел место происшествия – маяк. Потом допросил участников спасательной группы. Выяснились любопытные детали. Пропавшие привезли на маяк свои вещи: Роберт Джонсон – старинную книгу по астрономии, Уильям Моррис – чертежи какого-то изобретения, над которым он работал, а Джеймс Миллер – дорогой фотоаппарат. Но эти вещи на маяке обнаружены не были. Поэтому версия о том, что их смыли волны, мне показалась несостоятельной. А когда я узнал, что они незадолго получили радиограмму, что к ним направляются специалисты по установке солнечных батарей, и, кроме того, пропал приписанный к маяку катер, я сделал вывод, что они собрались ехать домой, и все свои вещи взяли с собой. Я решил, что все трое на катере покинули маяк и во время шторма утонули в море. Эта версия и была опубликована газетами. Почему они в нарушение правил покинули маяк? Возможно, кто-то неожиданно заболел. Но это только догадки. Итак, они воспользовались катером, но из-за шторма катер перевернулся, и они погибли. Я сделал подробный доклад на совещании у шефа, мой доклад был одобрен, а дело поставлено на полку. Вы думаете, я сделал что-то не так?

– Ты все сделал верно.

– Тогда, почему вдруг вы возбудили дело?

Я вынул из сейфа и положил на стол книгу.

– Что это?

– Звездный каталог Ван Марча. Это книга, которую любитель астрономии смотритель Роберт Джонсон взял с собой на маяк в ту злополучную смену. Как ты правильно заметил, этой книги на маяке не нашли. А она перед тобой.

Бенджамин Лестрейд сначала в некотором отупении смотрел на книгу, а потом начал ее лихорадочно листать.

– Что ты ищешь? – полюбопытствовала Ирен.

– Эта книга не побывала в воде! Где ее нашли? Как она к вам попала? Что, они живы, эти трое? Где они? Это будет сенсация!

– Бен, не торопись, – вмешался я. – Книгу принес нам сын Роберта Джонсона Александр. Он лейтенант, во время Нюрнбергского процесса охранял английскую делегацию и жил в гостинице. Книгу ему передала горничная, она сказала, что принес посыльный. Александр попросил нас найти его отца, ты знаешь, наша фирма занимается поиском пропавших людей. Какой путь проделала эта книга из Скалистого маяка до Нюрнберга – это нам предстоит узнать. Тогда может быть что-то прояснится о судьбе пропавших. Живы ли они и где находятся, сегодня, мы не знаем. Ты можешь снять это дело с полки и помочь нам в расследовании?

– Я обязан это сделать! Правда, у меня сейчас на руках громкое дело. Кто-то очень хорошо знает дома богатых лондонцев, которые на время войны переселились в сельскую местность, и регулярно обкрадывает эти дома. В нескольких домах была сделана засада, и арестовали группу грабителей, но главного упустили. Арестованные его называли – это внук

Джеймса Мориарти! Вот такие дела. Давайте сделаем вот что, я приглашу к себе суперинтенданта Джека Тейлора, и мы вместе составим план дальнейшего расследования.

– Бен, кроме этой книги у нас в руках оказалась ее обертка, видишь, тут написано: «Александру Джонсону в собственные руки» и фотография Джессики, возлюбленной лейтенанта, которую он уронил у нас в прихожей. Необходимо провести экспертизу почерков и отпечатков пальцев. Это может сделать лаборатория криминалистики Скотланд Ярда, пожалуйста, устрой нам это вне очереди.

– В виде исключения, оставь мне эти материалы, и я проведу необходимую экспертизу.

– Бен и большая просьба: не давай никакой информации о найденной книге в газеты, так как причастные к этому делу лица могут помешать следствию или просто лечь на дно. Однако, когда дело будет успешно завершено, мы, несомненно, сообщим прессе о твоих заслугах в раскрытии тайны Скалистого маяка.

Глава 8. Первая встреча с суперинтендантом

На следующий день мы четверо собрались в кабинете Бена, он плотно затворил дверь, предварительно попросив секретаршу его не беспокоить до конца встречи.

– Но, может принести кофе, – спросила она.

– И бутылку шерри, запишешь на мой счет.

Суперинтендант оказался высоким худым мужчиной лет пятидесяти со следом ожога на лице, он перебрал несколько стульев, пока нашел, на который смог сесть без скрипа. Похоже, он был недоволен, что его оторвали от важных и серьезных дел, но отказать Бену не смог. Он достал записную книжку, просмотрел список своих дел, сказал, что у него есть ровно тридцать минут, и вопросительно посмотрел на меня и Ирен.

– Мистер Джек Тейлор – суперинтендант Южного управления маяками, а это представители частного детективного агентства – миссис Холмс и мистер Ватсон, – представил нас Бен. – Мистер Тейлор, я вас позвал, чтобы обсудить новые данные о событии, случившемся семь лет назад на Скалистом маяке, где исчезла смена в составе трех человек. Мы ведь с вами тогда проводили расследование. Но информация, которую вы сейчас узнаете, строго конфиденциальна. Я не буду требовать от вас подписку о неразглашении, рассчитываю на ваше честное слово. Джон, изложи существо дела.

Я раскрыл свой блокнот.

– Господа, я буду краток. Несколько дней назад в наше агентство зашел лейтенант Александр Джонсон, сын пропавшего смотрителя маяка и принес книгу его отца «Звездный каталог Ван Марча», которую в Нюрнберге ему вручила горничная гостиницы. Она сказала, что книгу принес неизвестный посыльный. Эту книгу взял с собой на последнее дежурство в конце августа 1939 года на маяк его отец Роберт Джонсон, и она тогда исчезла вместе с ним. Поскольку книга нашлась и, судя по всему, она не побывала в воде, версия о том, что те трое дежурных забрали свои вещи и покинули маяк, но из-за шторма утонули, должна быть пересмотрена и расследование продолжено. Возможно, пропавшие живы. Вот эта книга.

С этими словами я положил книгу на стол.

Позднее Ирен рассказала мне, что во время моей короткой речи она незаметно следила за суперинтендантом. Сначала по его лицу прошел какой-то нервный тик, а затем он овладел собой.

– Это точно книга мистера Роберта Джонсона? – суперинтендант подвинул книгу к себе и полистал страницы. – И вы его нашли?

– Пока нашли только книгу, там есть его собственная подпись, – вступила в разговор Ирен, – сэр Джонсон подписывал все свои книги.

– Любопытная история, - заметил суперинтендант, возвращая книгу, – надо бы эту горничную допросить!

- Мы это сможем сделать, - согласилась Ирен, - тем более что у лейтенанта с ней был роман, и он привез ее в Англию.

– Мистер Тейлор, поскольку вы первый вели тогда следствие на маяке, меня интересует ваше мнение, – попросил Бен, – выходит, мы оба ошиблись?

– Да, мы ошиблись, но только об их пункте назначения. Они действительно сели в катер и покинули маяк. Мы думали, что они стремились домой, а им, по-видимому, удалось пересечь Ла-Манш, и высадиться в Нормандии. Тогда это не только правонарушение, но в военное время – измена.

– Вы знали этих троих? – спросила Ирен.

– Не просто знал, я их принимал на работу. Хорошие рекомендации, славные ребята, я помог им получить жилье в поселке смотрителей. Все прошли курсы смотрителей и успешно сдали экзамены и вдруг такой поворот.

– Вы верите, что они могут быть изменниками? – спросил Бен.

– Кто знает, чужая душа – потемки.

– Мистер Тейлор, но кто-то вернул книгу отца сыну. Зачем? – спросил я.

– Сентименты. Немцы сентиментальный народ, сын потерял отца, так пусть у него останется в виде памяти эта книга.

– А может быть этот кто-то, передавший книгу сыну, рассчитывал на то, что мы снимем с полки старое дело? – предположила Ирен.

– Здесь мы вступаем на путь домыслов и догадок, – суперинтендант посмотрел на часы, – господи, извините, мне пора. Приятно было познакомиться. Держите меня в курсе дела.

Это относилось к Ирен и ко мне.

Я кивнул, а Ирен выдала одну из своих обворожительных улыбок.

– Бен, – ты заметил след ожога у него на левой щеке? – поинтересовалась Ирен, когда наш гость ушел.

– Да, я даже как-то спросил его, он сказал, что это след военных лет, он спасал во время бомбежки жителей горевшего дома. Друзья, в словах этого служивого есть доля правды, но лично я не буду отговаривать вас от начатого дела, хотя в данный момент подключиться не смогу. Теперь относительно вашей просьбы об экспертизе. Надписи на фотографии и на обертке книги сделаны одной и той же рукой, сообщил эксперт. Ему облегчило работу то, что на обертке и на фотографии были одинаковые слова: Александру Джонсону. Почерк одинаковый, вероятность ошибки, как сказал эксперт, близка к нулю. Версия Джессики о посыльном, который якобы принес эту книгу, отпадает. Она сама заворачивала книгу, об этом говорит сличение отпечатков пальцев на фотографии и обертке, и подписывала сама. Нужно с ней встретиться и узнать правду, откуда у нее эта книга.

– Мы так и сделаем, – заверила Ирен, – и еще одна просьба: не давай никакой информации о найденной книге в газеты, так как причастные к этому делу лица могут помешать следствию или просто лечь на дно. Однако, когда дело будет успешно завершено, мы, несомненно, сообщим прессе о твоих заслугах в раскрытии тайны Скалистого маяка.

Мы вернулись в Баттл к деду Ирен, и вечером обсудили нашу встречу с суперинтендантом.

– Мне ясно, – заметил я, – что в продолжение расследования он не заинтересован. Это понятно, он их взял на работу и вдруг такой конфуз. Ему может влететь! Значит, дело проясняется и теперь ясно с чего начать! Я немедленно еду в поселок смотрителей и учиню Джессике допрос. Ты согласна?

– Вероятно, придется взять интервью у семей всех троих пропавших, но у матери Александра и Джессики я бы предпочла взять интервью сама, они женщине больше расскажут.

Я попрошу дедушку разрешить нам пожить у него, пока мы будем брать интервью у жителей поселка.

Глава 9. Анонимное письмо

– Джон, у тебя нет такого ощущения, что кто-то посторонний знает, что мы расследуем это дело и следит за каждым нашим шагом? – спросила Ирен, когда мисс Хадсон принесла полученную утром почту.

– Откуда такие мысли? Нет, такого ощущения у меня нет.

– Тогда вскрой вот это письмо, только надень перчатки, там могут быть следы пальцев отправителя.

В конверте без обратного адреса лежала короткая записка.

«Дорогие мистер Джон и миссис Ирен!

Я восхищена вашей молодостью и энергией, с которой вы боретесь с преступным миром и, поэтому, обращаюсь к вам с просьбой, обратить внимание на то, что расследование пропажи смены с маяка – дело, в которое вам не стоит вмешиваться. Это дело касается не только одной семьи, а целого круга людей, причастных к этой трагедии. Поднятие этой темы может принести не только боль и страдания семьям пропавших, но и углубить их душевные раны. Не поддавайтесь желанию разгадать эту загадку, что может привести к серьезным последствиям. Вам лучше оставить прошлое в покое и не выяснять подробности. Помните, что иногда правда может быть опасной. Оставьте тайну неразгаданной, и вам будет лучше. Продолжение расследования может принести вам личные проблемы.

PS: Не играйте с огнем!

С уважением, ваша почитательница»

– Видишь, моя интуиция опять подтвердилась. Прочти еще раз! Придвинь-ка лампу, из-за этого смога у нас будет перерасход электричества. Я вижу, ты достал блокнот, про смог записывать не надо. Значит, так. Письмо напечатано на пишущей машинке. Почему?

– Ирен, это и ежу понятно, чтобы мы не смогли идентифицировать почерк.

Я сейчас думаю о том, кто мог знать, что мы расследуем это дело и написал эту анонимку? Знают об этом лейтенант Джонсон, наш приятель Бен и этот занятый суперинтендант. Эти трое отпадают. Теперь, могла у нас подслушать разговор с лейтенантом мисс Хадсон, но у нее нет пишущей машинки. Правда, она могла воспользоваться нашей, ты умеешь замечать особенности печатного текста и это легко определишь. Дальше, знает твой дед, и у него есть машинка. Я думаю, и он отпадает, но его экономка могла ею воспользоваться. Опять, это легко будет установить, у нас ведь есть его письма, напечатанные на машинке. И, наконец, если лейтенант рассказал о расследовании своей матери, а она жене пропавшего помощника и матери стажера, количество людей, знающих о нашей работе, будет установить невозможно. Да, еще мы в библиотеке искали описание этих событий в старых газетах, и кто-то мог подслушать наш разговор.

– Джон, а почему аноним хочет, чтобы мы бросили это дело? Какой у него или у нее в этом интерес? Уж, конечно, не забота о душевных ранах семей пропавших. Заметь, письмо начинается с восхищения, а кончается запугиванием. Как иначе еще можно расценить последние фразы: «Продолжение расследования может принести вам личные проблемы. Не шутите с огнем».

– Видимо, он или она как-то связаны с пропажей смены, и наше расследование может повредить его или ее карьере, привести к каким-то финансовым проблемам или даже уголовному преследованию. Все-таки, кто мог написать это письмо – мужчина или женщина?

– Письмо написано якобы от имени женщины, но его выражения больше подошли бы к мужчине. Относительно особенностей машинописного текста. Буква «Е» плохо пропечатывается, у буквы «У» почти не виден хвостик. Теперь конверт. Марка наклеена, но

штампа почты нет, письмо кто-то хотел отправить по почте, но спешил и решил бросить нам прямо в почтовый ящик. Надо поспрашивать наших соседей, особенно тех, кто живет напротив, не заметили ли они человека, опустившего письмо к нам в ящик. Хотя это могло быть сделано и ночью.

– Ирен, стоит ли нам сейчас бросить все дела и начать искать этого анонима? Может в этом и была его цель? Пока мы начнем тратить время на его поиск и изучать пишущие машинки, он спрячет концы в воду.

– Ты прав, но во время наших интервью в поселке зрителей надо все-таки выяснить, у кого из них есть пишущие машинки. Сфотографируй это письмо, я передам копию Бену.

Ирен сравнила анонимку с текстами, напечатанными на нашей машинке и с письмами ее деда, конечно, машинка была другая. А угрозами, которые содержит эта анонимка, не следует пренебрегать, заявила она, поэтому мы оба решили носить при себе оружие.

А расследование, конечно, продолжим. Бояться волков – в лес не ходить.

Глава 10. Интервью с миссис Джонсон

(Рассказ Ирен)

По указному Александром Джонсоном адресу находился небольшой двухэтажный каменный дом, построенный в викторианском стиле с террасой и балконом, на котором действительно стоял телескоп. Дверь открыла горничная, и я сообщила, что мне необходимо встретиться с миссис Джонсон по неотложному делу.

– Пожалуйста, вашу визитную карточку, – попросила горничная и протянула поднос.

Я достала свою визитку, и она ушла, закрыв дверь и оставив меня на крыльце, несмотря, что стал накрапывать дождик. Однако ждать пришлось недолго.

– Войдите, хозяйка ждет вас в гостиной, вот сюда.

Я отдала ей плащ, вытерла ноги и вошла в гостиную, где у камина увидела женщину лет пятидесяти в пуховом платке и теплых домашних туфлях.

– Миссис Джонсон?

– Да, это я. Что вам угодно?

– Меня зовут Ирен Холмс. Вот записка от вашего сына.

Она надела очки, придвинула лампу и стала читать.

– Александр уже сообщил мне, что нашла книга моего пропавшего мужа. Вам удалось что-то узнать?

– Расследование только начато. Пока доподлинно известно, что когда прибыла смена, троих зрителей, среди которых был ваш муж, на маяке не обнаружили. Миссис Джонсон, я попрошу вас ответить на несколько вопросов. Ах, карандаш сломался! А я так хотела записать нашу беседу. Может у вас есть пишущая машинка, или чем писать?

– Машинки нет, а ручка найдется, вот, пожалуйста.

– Когда и как вы познакомились с мужем?

– Мы учились в одном классе.

– И почему он стал зрителем маяка?

– Роберт окончил университет и решил посвятить себя астрономии. Он выбрал это место, так как здесь безоблачные ночи и есть возможность изучать движение звезд.

– В тот день, собираясь на смену, ваш муж был чем-то обеспокоен? Как-то необычно с вами прощался?

– С тех пор прошло семь лет, я не уверена, что все помню. Нет, ничего особенного в его поведении я не помню. Он собрал в сумку свои вещи, обнял меня и сына, я проводила его до автомобиля, где уже сидели его помощники. Они помахали руками и уехали. Больше я мужа не видела.

Она достала платочек и приложила к глазам.

– А что за вещи он взял с собой?

– Пару рубашек, смену белья, лекарства и, в последний момент, положил эту книгу. Через неделю мне сообщили, что смена моего мужа утонула из-за шторма. – Вы знаете, что его книгу нашли в Германии. Миссис Джонсон, ваш сын бывал в Германии до войны?

– Да, он ездил в Германию на конференцию астрономов, которая проходила в Нюрнберге. Там только что построили обсерваторию на горе Рехенберг, где собралось Нюрнбергское астрономическое общество. Если я не ошибаюсь, они обсуждали какие-то черные дыры. Мужу даже помог суперинтендант, дал отпуск на неделю и выделил премию на дорогу. Там он познакомился и подружился с местным любителем астрономии и даже жил у него несколько дней.

– Когда это было?

– Лет десять назад.

– Вы помните, как зовут этого немецкого любителя? У вас есть его адрес?

– Нет, не помню, и адреса я не знаю. От него приходили письма до войны, но они утеряны.

– А немецкий знакомый вашего мужа приезжал в Англию, бывал у вас дома?

– Нет, у нас он не бывал, и о его приезде в Англию я ничего не слышала.

– Как вы думаете, что случилось с вашим мужем?

– Мне сказали, что он утонул. Такие случаи на маяках бывают. Это опасная работа, и я просила его найти другое занятие. Он обещал и, да, я вспоминаю, он, прощаясь, сказал, что едет на маяк в последний раз. Как будто знал, что не вернется. Как тяжело это вспоминать.

Она опять приложила платочек к глазам.

– Я вас понимаю, но если нашлась книга, может быть жив и ваш муж, и мы его найдем. А как вы можете объяснить, что нашлась его книга?

– Не знаю.

– Но вы знаете, что книгу дала вашему сыну горничная гостиницы, кажется, ее зовут Джессика.

– Да, Джессика мне рассказывала, что книгу принес какой-то посыльный.

– Вы полагаете, она сказала правду?

– Зачем ей лгать?

– Миссис Джонсон, кто-то передал вашему сыну книгу пропавшего отца. Как вы думаете, кто он и зачем он это сделал?

– Наверное, чтобы дать вам заработать на нашем несчастье. Простите, меня, я сама не знаю, что говорю.

– Остались какие-то вещи вашего мужа? Письма, дневники?

– Есть телескоп, который он собирался перенести на маяк. Почти все его книги я продала, надо было как-то жить. Хотела продать и телескоп, но сын отговорил. Да, муж вел какие-то записи, где они, я не знаю.

– И последний вопрос: после того, как вашего мужа объявили без вести пропавшим, скорее всего, был аннулирован ваш брак, и вы могли бы снова выйти замуж. Наверное, у вас были поклонники?

– Я оказываюсь отвечать на этот вопрос, у вас все?

– Спасибо за интервью, это важная информация. Миссис Джонсон, большая просьба, нам необходима какая-нибудь вещица вашего мужа, где были бы отпечатки его пальцев.

– Какая вещица?

– Вон, я вижу на его столе курительная трубка, там, наверняка, есть отпечатки, которые нам нужны.

– Возьмите. Мой сын не курит.

– Я еще хотела бы повидать Джессику.

- Для чего?
- Передать ей фотографию, которую ваш сын уронил в нашем офисе, и тоже, задать несколько вопросов.
- Джессики нет, она уехала в Нюрнберг проведать свою маму. Неужели Александр не мог найти себе жену в Англии? Взял и привез немку. Да, она хороша собой и очень образованная, но разве мало красивых и образованных девушек в Англии? Вот, вы, например!
- Миссис Джонсон, спасибо за комплимент, я уже замужем. И когда она вернется?
- Завтра.
- Вот моя визитная карточка, если что-нибудь вспомните или узнаете о муже, пожалуйста, сообщите.

Глава 11. Интервью с миссис Джессикой (Рассказ Ирен)

Джессика оказалась высокой и красивой девушкой, она приветливо мне улыбнулась и сделала книксен, показав свое хорошее воспитание. Да, выбор Александра был недурен.

– Джессика, меня зовут Ирен Холмс, я хочу отдать вашу фотографию, которую Александр случайно обронил у нас в офисе. Миссис Джонсон, наверное, уже сказала вам, что я представляю детективное агентство, которому ваш муж поручил найти своего отца, и у меня есть к вам несколько вопросов.

Я открыла сумочку и для вида пошарила в ней, и, хотя фотография была на месте, я сделала удивленный вид и воскликнула:

– Ой, а фотографию я забыла в гостинице, пожалуйста, пойдемте со мной, это недалеко.

Она надела плащ, и мы вышли, непринужденно беседуя о современных модах, как две подруги. Я привела ее в соседний парк, усадила ее за деревянный столик под липой, поставила бутылку легкого вина и два фужера.

– Джессика, мы поговорим здесь. В честь кого вам дали такое красивое имя?

– В честь бабушки, она была актрисой.

– Расскажите о себе.

– А что вас интересует?

Она немного нервничала, и я чувствовала, что перед каждым ответом она делала паузы, как бы боясь сказать что-то лишнее.

– Вы были в Нюрнберге? Как поживает ваша матушка?

– Спасибо ей лучше.

– Повидали друзей?

– Каких друзей, собрала зимние вещи и обратно.

– Кто был ваш отец?

– Моряк, он погиб во время войны.

– А в каких войсках он служил?

– Я же сказала, он был моряк.

– Бывал ваш отец в Англии?

– Нет. Иначе он бы привез мне оттуда подарок. Но у нас был гость из Англии. Он жил у нас несколько дней. Я тогда была маленькой.

– И о чем беседовал ваш отец с гостем из Англии?

– О звездах.

– Как вы оказались на работе в гостинице?

– После гибели отца мы очень нуждались, и вдруг я узнала, что нужны горничные. Я прошла неделю тренировки и начала работать.

– Вы умеете играть на фортепиано.

– Это вам сказал Александр? Да, в детстве меня учили музыке.
– Теперь вот что, – я достала из сумки снимок книги, и на пол выпала ее фотография.
– А ведь вы меня обманули, у вас фотография была с собой!
– Джессика, извините, просто я хотела поговорить с вами наедине. Наверное, ваш муж не знает, где ее потерял, он будет рад, что она нашлась. Теперь посмотрите сюда, вот на снимке книга, которую вы передали в гостинице Александру. Это она? Как она к вам попала?
– Меня уже спрашивали, и я объясняла: ее принес какой-то посыльный.
– Это неправда. Вы хотите нам помочь найти отца Александра?
– Почему неправда?
– Джессика, а давайте-ка, я расскажу, как к вам попала эта книга. И, если я в чем-то ошибусь, вы меня поправите.

Я разлила по фужерам вино.

– Значит так. Вы пришли домой с работы, и сказали матери: «Мама, на моем этаже живет такой молодой и красивый английский офицер. Я сначала его боялась, но он такой вежливый и внимательный, и стал так красиво за мной ухаживать!» А мать спросила: «Как его зовут?» «Александр Джонсон». «Как ты сказала?» «Александр Джонсон. Постепенно я отошла, мы начали беседовать, он рассказал, что его отец тоже погиб в море». Тут ваша мать призадумалась, потом сходила в кабинет отца и принесла большую книгу. «Джессика заверни ее, напиши на обертке «Александру Джонсону в собственные руки» и отдай книгу своему красивому лейтенанту. Если он спросит, откуда у тебя эта книга, скажешь, ее принес посыльный». Так было дело или я в чем-то ошиблась?

Пока я рассказывала, она, то краснела, то бледнела, потом взяла фужер и отпила вино.

– Миссис Ирен, как вы могли все узнать?

– Вы знаете, что такое графологическая экспертиза?

– Нет.

– Это исследование почерков. Специалист изучил тексты на вашей фотографии и на обертке книги, и со стопроцентной уверенностью сообщил, что эти два текста написаны одной и той же рукой. Значит, книгу вам дала мать. Вы спросили мать, как она к ней попала?

– Да, она сказала, что эту книгу дал почитать отцу тот англичанин, который у нас гостил задолго до войны. Отец обещал книгу ему вернуть, но началась война, и он это сделать не смог. А мать решила вернуть книгу его сыну. Я вспомнила, что видела эту книгу раньше, у него большая библиотека, и однажды взяла ее и полистала, но ничего интересного не нашла, какие-то звезды, и я поставила ее обратно. Но мать велела мне сказать про посыльного, чтобы не тревожить память отца, я так и сделала.

– Джессика, эту книгу не мог оставить у вас англичанин задолго до войны. Есть точные данные, что тот англичанин, что гостил у вас, взял ее с собой на маяк 3 сентября 1939 года. Как вы можете это объяснить?

– Я вам рассказала то, что слышала от матери.

– Вы мне дадите ее адрес и напишете ей письмо. Мне придется с ней встретиться.

– А могу я с вами передать маме немного денег? Я тут начала давать уроки музыки.

– Хорошо, завтра я жду вас здесь в десять утра с письмом и деньгами. Не забудьте указать адрес. Джессика, я рада за вас, мне очень понравился Александр, спасибо за помощь, я надеюсь, что мы найдем его отца. Возьмите свою фотографию, у вас очень фотогеничная внешность, вы никогда не думала стать актрисой?

– Думала, в далеком детстве.

– И я в детстве хотела быть артисткой, – соврала я, просто для поддержки дружеских отношений. На самом деле я всегда хотела быть детективом, как мой знаменитый дед.

– Спасибо за нашу беседу. Вот моя визитная карточка, если что-нибудь вспомните или узнаете, пожалуйста, сообщите.

Глава 12. Интервью с миссис Моррис

На следующий день Джессика принесла нам письмо, деньги и адрес, и мы были очень довольны найденной информацией, если бы не букет гладиолусов, который в кувшинчике внесла и поставила на стол наша квартирная хозяйка мисс Хадсон.

– Миссис Ирен, эти цветы только что принес посыльный.

– Джон, как я рада, что ты купил мне цветы! – воскликнула Ирен, – откуда ты узнал, что гладиолусы – мои любимые? Не ожидала от тебя такой чуткости! Где ты их заказал?

Она обняла меня и поцеловала.

– Ирен, подожди радоваться. Я не заказывал цветов, вероятно, их прислал какой-то твой поклонник. Ну-ка, признавайся, сколько у тебя их было до меня?

– Джон, у меня был единственный роман с молодым журналистом, который лечился в госпитале и сейчас сидит напротив меня. Тем не менее, давай-ка, я налью воду в этот кувшинчик. О, какой на улице дождь, лучше я их вынесу на балкон, дождевая вода очень полезна для цветов.

Она вынесла цветы на балкон, и мы стали прикидывать, кто мог прислать этот букет?

– Твой дед из своего сада?

– У него не растут гладиолусы.

– Тогда это работа Бена, я видел, как ты к нему прижималась.

– Джон, прекрати, а то я рассержусь.

Неизвестно, сколько еще длилась бы наша перепалка, как за дверью балкона раздался взрыв, кувшин разлетелся на части, и чудом не пострадало наши стекла.

Мы вышли на балкон. Ирен собрала обломки кувшина и все, что осталось от цветов.

– Так, – заметил я, – цветы прислал не Бен. В кувшин была положена гремучая смесь, которая взорвалась от соприкосновения с водой. Хорошо, что на улице был дождь. Еще одна загадка и предупреждение.

– Предупреждение?

– Да, помнишь, что написал аноним? Где это письмо? Вот. «Оставьте тайну неразгаданной, и вам будет лучше. Продолжение расследования может принести вам личные проблемы. Не играйте с огнем!» И цветы принесли после твоего визита к миссис Джонсон. Ты права, кто-то следит за каждым нашим шагом. Надо поставить в известность Бена.

– Ты думаешь, это покушение?

– А ты думаешь, нет?

– Джон, я боюсь.

– Сделаем так. Пока я буду брать интервью свои два интервью, ты посидишь дома. Ты давно хотела перечитать «Собаку Баскервиль» и выспаться. Предупреди нашу хозяйку: в мое отсутствие никаких подарков и никаких посетителей.

Дом Морриса я угадал издалека по гнезду аистов. Рядом с домом кто-то угощал одного из аистов, который поднимался вверх и передавал еду, видимо, супруге, а она кормила деток. Я залюбовался его гордой осанкой, изящной головкой с длинным клювом, белоснежными крыльями и стройными ногами, как будто созданными для танцев. В шумном Лондоне аисты не водятся.

Со мной приветливо поздоровалась горничная, подкладываящая аисту мелкую рыбку, и пошла вызвать хозяйку. Миссис Моррис, хотя и не была предупреждена заранее о моем визите, имела вполне ухоженный вид, ее платье и шляпка годились для выхода в свет, а лицо хорошо знало косметику.

– Вы ко мне?

– Да, миссис Моррис, меня зовут Джон Ватсон, я послан журналом «Утренняя заря», (название я придумал на ходу), мы ведем журналистское расследование пропажи смены Скалистого маяка 3 сентября 1939 года.

– Чем вызвано это расследование спустя семь лет? Зачем беспокоить память моего покойного мужа? Что, уже не хватает сегодняшних новостей, и газете нужна новая сенсация?

Ядовитая дама, подумал я, с ней будет не просто.

– Новостей достаточно, но в связи с Нюрнбергским процессом появились новые данные. Может, зайдем в дом? Не исключено, что ваш муж жив.

Мои последние слова заставили ее слегка побледнеть.

– Вы думаете, Уильям жив?

– Я сказал, не исключено. Миссис Моррис, на нас обращают внимание. Вы хотите, чтобы наше интервью сразу стало достоянием улицы?

– Ненси, проводи мистера Ватсона ко мне в кабинет и принеси нам кофе с бисквитами.

Так началось мое интервью. Я достал свой заслуженный блокнот.

– Ах, карандаш сломался! – а я так хотел записать нашу беседу. Может у вас есть пишущая машинка, или чем писать?

– Машинки нет, вот ручка. Итак, мистер Ватсон, или как вас на самом деле зовут, что вы хотите мне сообщить?

Непросто пропавшему изобретателю было с ней жить, ох, непросто. Надо менять тактику.

– Миссис Моррис, спасибо, что вы согласились дать нашей газете интервью.

– Раве я согласилась дать интервью? Я жду, что вы расскажете мне о новых обстоятельствах, из-за которых сдули пыль со старого дела. Что вы хотели мне рассказать?

– Все что я хотел вам сказать, я уже сказал. Теперь я буду задавать вопросы.

– На которые я отвечать отказываюсь.

Да, надо менять тактику. Я встал и закрыл блокнот.

– Значит, вы не хотите нам помочь разыскать вашего мужа? Может быть, вы в этом и не заинтересованы? Именно так будет расцениваться ваш отказ.

– Мистер Ватсон, сядьте, кофе остывает. Ешьте бисквиты, моя кухарка знает в этом толк. Давайте начнем сначала. Зачем вы приехали?

– Чтобы задать вам несколько вопросов.

– Давайте ваш первый вопрос.

– Я вижу, в вашем кабинете развешаны фотографии птиц. Вы увлекаетесь орнитологией?

– Не я, а Уильям. Если коротко, он нашел, что природа придала птицам замечательные аэродинамические свойства, и он придумал, как использовать эти свойства для летающих аппаратов, создаваемых людьми, особенно для ракет. Он ловил птиц, и изучал их хвосты.

– Хвосты?

– Вы видели на крыше гнездо аистов? Это муж их приручил, они прилетают каждой весной, и позволяют изучать их хвосты. Он выпросил у суперинтенданта разрешение пользоваться механическим цехом и построил для своих опытов сарай.

– Ваш муж бывал до войны в Германии или получал оттуда письма?

– Было письмо из Панемюнде. Концерн ФАУ приглашал его работать на острове с хорошим окладом. Но муж оказался, он ждал приглашения из Вулвича. Не дождался.

– А откуда в Германии узнали, что ваш муж занимается стабилизаторами для ракет?

– Понятия не имею.

– Миссис Моррис, почему Уильям стал работать на маяке?

– Ему нравилась сменная работа, и иногда он с маяка запускал свои ракеты в сторону моря.

– В тот последний день, когда он уходил на смену, он был чем-то встревожен, взволнован, как-то вел себя необычно? Вы помните, кто эту смену повез на маяк?

– Старший смотритель, он сидел в машине. Ничего необычного, муж собрался, взял с собой какие-то чертежи и уехал. Извините, мне пора на встречу благотворительного общества, мы помогаем бедным людям, к счастью, я получила наследство.

– Большое спасибо за интервью. Вы можете дать мне на время какой-нибудь, принадлежавший ему предмет с его отпечатками пальцев? И образец его почерка?

– Возьмите книгу Германа Оберта «Пути к воздухоплаванию», он ее любил перечитывать и даже собирался что-то написать сам. Там на полях есть его заметки.

– Большое спасибо за интервью и вкусное печенье. Вот моя визитная карточка, если что-нибудь вспомните.

Я вышел с твердым мнением, что Уильям Моррис не мог самовольно покинуть маяк.

– Вы интересовались ее пропавшим мужем, сэр? – меня остановила женщина, гулявшая с собачкой.

– А вы знали Уильяма Морриса, мадам?

– Не просто знала, когда-то он ухаживал за мной, а выбрал эту вертихвостку. Вы думаете, она очень страдает за Уильямом? Как бы ни так. Я рано утром прогуливала Шелика, так мою собачку зовут, и видела, как с ее крыльца спускался долговязый мужик, она его называла Джеком. Какой-то начальник, за углом его ждал автомобиль. За семь лет это – третий! Она имеет собственную горничную и кухарку, на какие шиши? Наверное, она сообщила вам, что получила наследство. Никакого наследства она не получала. Это вранье. Если Уильям найдется, вот будет потеха!

– Извините мадам, меня ждут дела, – я не знал, как отделаться от сплетницы, хотя ее сообщение меня озадачило.

Глав 13. Интервью с миссис Миллер

Я знал, что небольшой домик Джеймса Миллера находится в конце улицы, так что его задний двор выходит прямо на опушку леса. Уже издалека я увидел, что перед домом стоит седая женщина и смотрит в мою сторону.

– Куда вы идете, сэр, – спросил старичок, сидящий на скамейке у своего крыльца, – дальше тупик.

– Мне нужен последний дом, там ведь живет мать Джеймса Миллера?

– Тронутая? Да, там она живет.

– Что значит, тронутая, сэр?

– С тех пор, как пропал ее сын, она не в себе. Ежедневно в любую погоду стоит на дороге и ждет, что он придет. Говорят, каждый день она готовит его любимое блюдо – яблочный пирог, который на следующий день отдает птицам. И каждого, кто дойдет до этого тупика она принимает за своего сына. Так что яблочный пирог вам обеспечен. Вы хотите ей оказать денежную помощь? Наша улица открыла специальный счет, мы все ее жалеем.

– Вот, возьмите двадцать пять фунтов. Я журналист, хочу написать в газету о ее сыне, идет розыск пропавших, и у нее может появиться надежда. Вы думаете, она согласится дать мне интервью?

– Спасибо, мы купим ей на эти деньги муку. Она любит рассказывать о сыне, я уже слышал, наверное, пять раз, какой он талантливый мальчик. Только, говоря о ее сыне, не употребляйте слова «был», для нее он есть.

С этим полезным советом я подошел к миссис Миллер.

– Добрый день, миссис Миллер, – первым начал я, – полагая, что после этого она не примет меня за своего сына. – Меня зовут Джон Ватсон, по поручению газеты «Утренняя заря»

я веду журналистское расследование происшествия на Скалистом маяке, когда 3 сентября 1939 года пропала смена, в количестве трех человек, в том числе ваш сын. Не откажите в любезности уделить мне немного времени для беседы. Ведь ваш сын Джеймс, (я чуть не сказал «был»), – неординарный человек.

– Да, мой сын неординарный человек, Бог наградил его талантами, которых хватило бы на троих. Зайдите, как раз печется яблочный пирог. Что вас интересует?

Не такая уж она тронутая, подумал я, усаживаясь, рассматривая фотографии, развешанные на стенах и доставая свой блокнот.

– Ах, карандаш сломался! А я так хотел записать нашу беседу. Может у вас есть пишущая машинка, или чем писать?

– Машинки нет, а чем писать – надо поискать, если у вас есть время...

– Тогда просто ножик, и я зачину карандаш. Спасибо. Миссис Миллер, – Вы помните тот день, когда ваш сын отправлялся на свою (я чуть не добавил «последнюю», но во время удержался) смену? Он был чем-то обеспокоен?

– Почему вы сказали: был?

– Оговорился. Просто прошло семь лет. Я хотел спросить, вы тогда заметили что-то необычное?

– Я отлично помню этот день. Он собрался, поцеловал меня, как обычно, на улице его уже ждала машина. Ничего особенного. Да, он спохватился, что не взял фотоаппарат и за ним вернулся. Вот и все.

– А как ваш сын вообще оказался на маяке?

– Вот с этого фотоаппарата все и началось. Это был подарок отца, и Джеймс просто влюбился в эту игрушку! Начал изучать фотодело, и его снимки стал публиковать даже Географический журнал! Мой мальчик стал знаменит и после окончания школы занялся фотографией профессионально. И собирался купить аппарат для съемок фильмов. Вот, посмотрите, его альбомы, здесь вся наша жизнь! Мы жили тогда в Лондоне, Джеймс получил задание сделать фотоочерк о море. Муж был хорошо знаком с суперинтендантом Южных маяков мистером Джеком Тейлором, и он устроил Джеймса на Скалистый маяк стажером. Ему здесь понравилось, а когда скончался мой бедный муж, я переехала к нему сюда. Здесь прекрасная природа, и я уже присмотрела для него хорошую девушку. О, яблочный пирог уже готов, вы не откажетесь попробовать!

Она стала возиться у печки, а я придвинул к себе альбомы, Из альбома выпал конверт с надписью «1934 год. Митинг британских фашистов в Альберт Холл». Одну фотографию, где лидера британских фашистов Освальда Мосли поднятием рук приветствуют чернорубашечники, я незаметно вложил в свой блокнот. Может быть, Джеймс сочувствовал фашистам?

– Пирог готов, я отрезала вам ломтик, а остальное отправила обратно в печь, когда придет Джеймс, пирог должен быть горячим.

Яблочный пирог был действительно вкусен, и я продолжил интервью.

– Миссис Миллер, у вашего сына есть друзья?

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду людей, с которыми он встречается.

Как трудно избегать прошедшего времени.

– Кто они?

– Его друзья живут в Лондоне. Они не понимают, как мог мой мальчик поменять Лондон на эту глушь, что ж, каждому – свое. Пропавший Мистер Моррис, изобретатель часто бывал у нас, Джеймс фотографировал для него птиц.

А так, просто деловые отношения.

– И последний вопрос: у вашего сына есть друзья в Германии? Какая-нибудь переписка с немецкими знакомыми? Немецкие гости?

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Это может вывести нас на его след.

– О переписке с Германией мне ничего не известно и никаких немецких гостей. Мистер Ватсон, я правильно вас назвала? Теперь у меня к вам есть вопрос. Почему вы занялись этим расследованием спустя семь лет?

Я ожидал этот вопрос.

– Миссис Моррис, если вы следите за газетами, то знаете, что только что закончился Нюрнбергский процесс над фашистскими главарями. При этом вскрылось много новых фактов, возвращаются домой люди, которых считали погибшими...

– Я никогда не считала Джеймса погибшим, мое сердце подсказывает, что он жив, и я жду его каждый день.

– А я целиком поддерживаю вашу веру, и сделаю все возможное, чтобы ваш сын вернулся. Спасибо вам за интервью, вот моя визитная карточка, если захотите сообщить что-нибудь еще.

– Мистер Ватсон, когда вы встретите Джеймса, скажите ему, что здесь его ждет замечательная девушка и еще, не откажите в моей просьбе...

Она открыла шкаф и достала красивый вязаный свитер.

– Когда вы встретите Джеймса, отдайте ему этот свитер, сейчас холодные вечера, а мальчик слабо одет.

Она не тронутая, просто очень любит своего сына. Я положил свитер в сумку и распрощался.

Я медленно шел по улице, глубоко погруженный в размышления о своем впечатлении от этого визита. Нет, Джеймс Миллер не мог самовольно бросить потухший маяк.

Внезапно, из-за поворота на большой скорости выскочил автомобиль. Водитель, лицо которого было скрыто маской, направил машину прямо на меня. Я успел отскочить, но автомобиль задел плечо, отшвырнув меня в сторону. Я успел подняться и посмотреть вслед, это был черный Форд, но номер разглядеть не смог.

– Вам помочь? – из ближайшего дома вышла женщина, – ездят просто безобразно, страшно на улицу выйти.

– Спасибо, я легко отделался. А вы не заметили номер машины?

– Не заметила, вы точно не нуждаетесь в помощи?

– Спасибо, все в порядке.

На самом деле все было далеко не в порядке. Два – ноль, отметил я про себя, теперь наша очередь открыть счет!

Глава 14. Британский Союз Фашистов

Вечером я рассказал Ирен и мистеру Холмсу о результатах своего интервью с матерью фотографа и показал свитер.

– А еще я стянул у нее фотографию митинга английских фашистов, – похвастался я, – снимок сделал ее сын в 1934 году в Лондоне у входа в Альберт Холл. У нее таких фотографий целая пачка,

– Тебе повезло, – заметил мистер Холмс, – ты нашел целый клад! Британский Союз Фашистов был ликвидирован в 1940 году, но свои архивы они успели уничтожить. Кого-то из главарей арестовали, а другие успели сбежать, так что твоя находка заинтересует власти.

Он подошел к шкафу и достал Британскую энциклопедию.

– Британский Союз Фашистов был основан в Лондоне 1 октября 1932 года английским аристократом Освальдом Мосли, который был бессменным руководителем и главным идеологом Союза на протяжении всего времени его существования...

23 ноября 1933 года состоялось совместное совещание представителей столичной полиции, полицейского спецназа и контрразведки МИ-5, на котором было принято решение об организации слежки за деятельностью БСФ, в том числе путем внедрения своих агентов в эту организацию...

К лету 1934 года численность союза выросла до 50 тысяч человек. Большинство членов организации были выходцами из среднего класса и мелкими предпринимателями, немногочисленной была прослойка из представителей рабочего класса. Определенную роль в движении играли и криминальные элементы, в основном специализировавшиеся на совершении преступлений имущественного характера...

Митинги Союза проходили по всей стране. Один из самых крупных состоялся 22 апреля 1934 года в зале Альберт Холл, где собралось около 5000 человек. Противники фашизма попытались проникнуть на митинг и сорвать его. В завязавшейся потасовке несколько десятков человек получили серьезные ранения и увечья.

Начало войны на Западе весной 1940 года и приход к власти в Британии Уинстона Черчилля ознаменовали конец деятельности БСФ. В мае-июне Мосли и большинство руководителей Союза были арестованы, а БСФ объявлен вне закона.

Хотите узнать, что это за люди? Здесь недалеко, в Гастингсе живет Мери Паттерсон, – сообщил мистер Холмс, – она была членом БСФ, но потом из него ушла. Покажите ей это фото.

– Мери Паттерсон? Я где-то слышал эту фамилию, – вспомнил я.

– О, это известная фамилия, – мистер Холмс достал новый том Британской энциклопедии. – О ней часто писали газеты, эта незаурядная суфражистка занималась поджогами, била окна в Министерстве внутренних дел, взрывала железнодорожные станции. Её арестовывали 9 раз, в общей сложности она отсидела в исправительных учреждениях около 3 лет. 10 марта 1914 года она пришла в Лондонскую Национальную галерею и несколько раз ударила ножом полотно картины «Венера с зеркалом».

Заинтересовавшись взглядами на женский вопрос, Мери Паттерсон вступила в Британский союз фашистов и стала лидером его женского подразделения. Официально её должность называлась «политический секретарь». Но в 1935 году, разочаровавшись в искренности позиций союза по женскому вопросу, покинула его и более не принимала участия в политической жизни. Во так. Я найду ее адрес, и вы сможете взять у нее интервью, – предложил мистер Холмс. Сейчас, это почтенная матрона, аккуратно ходит в церковь и помогает бедным.

Я вызывался взять интервью у Мери Паттерсон и съездил в Гастингс.

– Миссис Петтерсон?

– Да, это я. Чем обязана?

– Я журналист, меня зовут Джон Ватсон. Наша газета «Утренняя заря» готовит к публикации материал о событии, имевшем место на Скалистом маяке 3 сентября 1939 года, когда пропала смена в количестве трех человек. Вы, вероятно, слышали об этом. Небольшое интервью.

– Конечно, слышала, они утонули. Что ж, они сами выбрали такую опасную профессию. Хорошо, зайдите.

– Наше журналистское расследование показывает, что они стали жертвами фашистского заговора и, возможно, живы. И вы можете помочь нам их найти. Вы ведь в прошлом входили в Британский Союз Фашистов?

– Входила, так как думала, что это союз будет бороться за права женщин, но я ошиблась, и давно от них ушла. И, надеюсь, расплатилась за грехи молодости.

– Я знаю, просто хочу попросить вас об одной услуге. Посмотрите, пожалуйста, на эту фотографию, она была сделана в 1934 году у зала Альберт Холла. Вы кого-нибудь знаете из этих людей?

– Еще бы, я была на этом митинге. Это – несостоявшийся английский фюрер Освальд Мосли.

– А кто это рядом с пятнышком на щеке?

– Рядом его телохранитель Роб Стюарт. Отъявленный негодяй, пытался меня соблазнить. Когда Союз разогнали, многие сели за решетку, а он просто исчез. Я надеюсь, вы не будете упоминать мою фамилию в ваших публикациях, в противном случае я от своих слов откажусь.

– Не будем, даю честное слово! Миссис Паттерсон, а Роб Стюарт был женат?

– Да, бросил, подлец, жену с двумя девочками и пропал. Может, он сбежал в Германию, там у него были дружки. Это все?

– Вы узнали кого-то еще?

– Остальных не знаю. Вы думаете, Роб Стюарт замешан в этом деле?

– Миссис Паттерсон, – я достал фотографию суперинтенданта, – это не Роб Стюарт?

– Тот был без бороды. Мужчины все похожи друг на друга. А кто это?

– Пока сказать не могу, расследование продолжается, а вам большое спасибо.

Мы обсудили мое интервью и решили показать фото Бену, оно может его заинтересовать. Если телохранитель – Джек Тейлор, пусть Бен посмотрит его личное дело, вызовет под благовидным предлогом и спросит, был ли он членом Британского Союза Фашистов?

Бен сказал, что он так и сделает.

Глава 15. Вторая встреча с суперинтендантом

– Мистер Тейлор, я опять побеспокоил вас в связи с тем, что миссис Ирен и мистер Джон встретились с семьями трех участников пропавшей смены маяка и сейчас доложат о том, что нового они узнали. Эти трое ведь ваши протеже? – начал нашу встречу Бен Лестрейд.

– Да. Я уже говорил, их на работу нанял я. Они мне понравились: серьезный Роберт Джонсон, деловой Уильям Моррис и молодой Джеймс Миллер. А что нового удалось о них узнать?

– Кто начнет первый? Миссис Ирен?

– Я беседовала с женой Роберта Джонсона, миссис Мери и женой ее сына Александра – Джессикой, которую он привез из Германии, где охранял нашу делегацию в Нюрнберге, – сделав такое вступление, Ирен развернула свои заметки. – Оказалось, что предыдущая жизнь Роберта никак не была связана с морем. Он окончил университетский курс астрономии и выбрал службу на маяке из-за ясных звездных ночей, когда он сможет без помех изучать звездное небо. Миссис Мери также сообщила, что ее муж бывал в Германии, как раз в Нюрнберге, где проходила астрономическая конференция и даже жил в доме местного любителя астрономии.

– Теперь о книге. Поговорила я и с Джессикой. Спасибо Скотланд-Ярду, они провели графологическую экспертизу почерков, и она призналась, что книгу не принес в гостиницу посыльный, как она сказала лейтенанту, а она взяла ее у себя дома. Мать сказала ей, что книгу оставил англичанин, который когда-то жил у них, и она решила книгу вернуть его сыну. Но мы знаем, что это неправда. Я думаю, что стоит посетить мать Джессики, она явно сказала дочке не все, – закончила Ирен.

– Теперь, мистер Джон, вам слово.

– А я беседовал с миссис Дженни, женой Уильяма Морриса. И его прошлое не связано с морем. Он – талантливый изобретатель и автор десятка патентов. Последняя его страсть – оперения ракет. Он считал, что изготовителям ракет стоит изучать оперения птиц, и делал модели ракет, которые запускал с маяка в сторону моря. Миссис Дженни также рассказала, что до войны Уильям получил приглашение из центра в Пенемюнде на работу в Германию, но он послал резюме в английский исследовательский центр в Вулвиче, куда, к сожалению, приглашен не был.

– А следующая моя встреча была с матерью Джеймса Миллера. Он по профессии фотограф и устроился на маяк, так как получил задание от известного географического журнала написать серию иллюстрированных очерков о море. Ее в поселке считают «чокнутой», так как она каждый день выходит на дорогу встречать сына, и каждый день печет его любимый яблочный пирог. Я посмотрел альбомы его работ, по ним можно писать историю. Там есть пачка снимков, сделанных Джеймсом еще в 1934 году в Альберт Холле, во время митинга Британского Союза фашистов. Миссис Дженни живет очень бедно, надо бы сообщать о ней ближайшей благотворительной организации.

– Мистер Тейлор, во время нашего первого совещания, вы сомневались, что трое пропавших могут быть изменниками? – спросил Бен, – А что вы скажете теперь?

– Сложный вопрос, да факты говорят обратное. Астроном Роберт Джонсон ездил в Нюрнберг, его там могли завербовать и, вовремя войны, он, возможно, составлял гороскопы для партийных боссов. Изобретатель Уильям Моррис получил выгодное предложение центра в Пенемюнде и из-за отказа Вулвича, мог поехать туда работать. Возможно, он там работает и по сей день. А фотограф Джеймс Миллер, по рассказу мистера Джона, участвовал в митинге фашистов. Возможно, он был членом этого Союза и, сбежав в Германию, снимал фашистские парады и выступления фюрера. О чем говорит тот факт, что до сих пор они не дают о себе знать, если они, конечно, живы? И почему, если они в чем не виноваты, не возвращаются в Англию? Они видимо боятся, что их сразу арестуют и предадут военному суду, с которым шутки плохи. А если суд признает их изменниками, для чего есть достаточно оснований, их семьи выселят из домов. Да, я, похоже, ошибся.

– Спасибо. Но, господа, это пока еще только наши умозаключения, – подвел итоги Бен, – давайте вернемся к книге. Джессике сказала мать, что книгу Роберт Джонсон оставил ее отцу во время поездки на астрономическую конференцию, задолго до начала войны, и книга все время стояла на полке в кабинете ее отца. Но мы знаем, что эту книгу Роберт Джонсон взял с собой на маяк в первый день войны. Здесь не сходятся концы с концами. Я думаю, поездка в Нюрнберг и беседа с матерью Джессики многое прояснит.

– Да, мы с Ирен уже приобрели визы и билеты, – вступил в разговор я.

– Хорошая идея, – поддержал нас суперинтендант, – и возьмите с собой ее дочку, как ее зовут – Джессика? Устройте им очную ставку, так, кажется, это называется у криминалистов.

После его ухода, я положил перед Беном фотографию, которую я стащил у матери Джеймса Миллера, где запечатлен бравый Освальд Мосли, шагающий вдоль строя английских фашистов, вскинувших руки в нацистском приветствии, а справа его сопровождает телохранитель.

– Бен, – сказал я, – этот снимок сделан 12 лет назад, но Ирен кажется, что ей знакомо это лицо из-за пятнышка на левой щеке. Пожалуйста, попроси специалистов Скотланд Ярда идентифицировать этого телохранителя. Кто он? Жив ли сейчас? Можно с ним встретиться?

– Я попробую, – согласился Бен, – но одной фотографии мало, ты говорил, что у его матери хранится целая пачка снимков, сделанных тогда в Гайд Парке. Я уверен, что Скотланд Ярд с интересом познакомится с этими снимками. После разгона этого Союза и арестов, они все свои документы постарались уничтожить. Съезди к ней еще раз и попроси эти снимки. Скажи, на время, и что это ускорит поиск ее сына.

Я успел выполнить просьбу Бена до отъезда в Германию, в смысле, побывал снова у миссис Амелии Миллер. Я вставил слово «в смысле», так как выполнил только первую часть его просьбы, а снимки фашистского митинга в Гайд Парке взять не смог, они исчезли! Я спросил миссис Амелию, не бывал ли еще кто-нибудь у нее дома, не смотрел ли альбомы фотографий. Она однозначно сказала – нет. Но пачка снимков исчезла. Как это было сделано? Очень просто, пока она стояла на улице, и ждал сына, кто-то вышел из соседнего леса, вошел в дом и снимки эти украл.

Еще одна загадка. Над ней мы поработаем, когда вернемся.

Глава 16. Интервью с фрау Кох

В Нюрнберге мы остановились в той самой гостинице, где Александр познакомился с Джессикой. Чтобы освоиться, немного побродили по городу, который жил обычной серой, унылой жизнью. Кругом руины зданий, груды битых кирпичей и покореженных металлических конструкций, горы камней и щебня. Обошли огромное мрачное здание Дворца юстиции, где состоялся военный трибунал. Нам сказали, что этот город выбрали, так как Нюрнберг не так пострадал от бомбежек, как Берлин, а само здание Дворца юстиции чудом сохранилось. К тому же Нюрнберг был издавна партийной столицей нацистов, где нередко выступал сам Гитлер. Попробовали в ресторане яблочный штрудель, вкусно. Мы решили, что лучше, если на встречу поедет Ирен.

Дверь открыла средних лет красивая женщина с сединой в волосах

– Фрау Кох?

– Что вам угодно?

– Меня зовут Ирен Холмс, вот мой документ. Я привезла вам из Англии от вашей дочери письмо и деньги. Мы можем войти?

– Войдите.

– Фрау Кох, простите мне мой плохой немецкий язык.

– Можете говорить по-английски, я получила хорошее образование. Откуда у Джессики деньги?

– Она дает уроки музыки.

– Располагайтесь, сейчас горничная принесет чай.

– Фрау Кох, я понимаю, как вам сейчас трудно снова вспоминать прошлое, но, поверьте, единственная цель нашего визита, найти отца Александра, мужа вашей дочери, который вместе с двумя помощниками бесследно исчез с маяка сразу после того, как Англия объявила Германии войну. Вот на фотографии «Звездный каталог Фон Марча», который ваша дочь дала Александру Джонсону, когда он жил в гостинице Нюрнберга во время процесса. Она сказала, что его принес посыльный, но позднее призналась: с ваших слов его дал почитать вашему мужу отец Александра, когда он приезжал в Нюрнберг на конференцию астрономов и какое-то время жил у вас.

– Я просила ее это не говорить Александру, просто она меня спросила.

– Фрау Кох, была сделана экспертиза почерков, и оказалось, что надпись на обёртке сделала Джессика. Зачем, вы сказали дочери, что эту книгу оставил англичанин, когда гостил у вас?

– Чтобы не бросать тень на моего бедного мужа.

– Но вы велели ей сказать, что ее принес посыльный?

– Если честно, эту идею подсказала дочка. Она сказала, что меня могут арестовать

– Фрау Кох, эту книгу брал с собой на маяк отец Александра, когда пропала смена, и если вы расскажете, как эта она оказалась у вас, наше расследование существенно продвинется вперед.

– Ну что ж, так тому и быть. Германия проиграла войну и надо платить по счетам. Пейте чай, он из листьев мяты, настоящий чай сейчас достать очень трудно, и стоит он безумно дорого. Ее мне привез матрос моего мужа Вольфганг. Он служил во флоте и во время войны командовал подводной лодкой. Какой это был год? 1940-й. Этого матроса комиссовали по состоянию здоровья, и муж попросил завезти ее ко мне. Она очень редкая и дорогая, Вольфганг охотился за ней много лет, но удалось ее достать его английскому приятелю, который приезжал в Нюрнберг на конференцию астрономов и жил у нас несколько дней. Муж писал, чтобы я

сохранила ее и после окончания войны, он вернет владельцу. Увы, его надежда не оправдалась, мне пришло извещение, что он погиб. Его подводная лодка подорвалась на mine в проливе Ла-Манш и затонула. Никто не спасся.

– Значит, когда-то у вас жил отец Александра, мужа вашей дочери?

– Да.

– Фрау Кох, а сообщил вам муж, как к нему попала эта книга?

– Да, об этом и было письмо. Оно не сохранилось, если честно, когда в Нюрнберге начался процесс, я его сожгла.

– Но вы помните, о чем писал муж?

– Он писал, что в результате военной операции на его лодке оказались трое пленных англичан, их ему надлежало сдать в Гестапо. Но среди этих трех он узнал приятеля астронома. Того самого, что когда-то жил у нас. Это была радостная встреча, хотя, по сути, они встретились врагами. Вольфганг пожалел старого приятеля и его двух друзей, тем более, что они были не военные, а глубоко штатские люди с какого-то маяка. Он сдал всех троих в немецкий лагерь для военнопленных, а книгу попросил оставить ему, пообещав после войны вернуть. Что я и сделала. Правда, вернула его сыну.

– За что вам большое спасибо! Александр ведь считал, что его отец утонул, и теперь он надеется его увидеть. Да, пленные не были военными. Ваш муж сообщил название лагеря?

– Лагерь был, кажется, на острове Рюген, но точно не помню.

– Значит, эти трое пленных могут быть живы! Это очень ценное обстоятельство, ведь их семьи считают, что они утонули во время шторма еще в 1939 году. Но есть очень важный вопрос. Когда на маяк прибыла новая смена и никого не застала, они не обнаружили следов борьбы, ведь предыдущая смена могла оказать сопротивление захватчикам, они к тому же были хорошо вооружены. Как же они так спокойно сдались в плен?

– Я спросила об этом матроса, и он рассказал, что вместе с командой из подводной лодки на маяк прибыл живший в Англии немецкий агент, человек, которого эти трое хорошо знали и вполне ему доверяли. Видимо, он их убедил, что это просто новая смена или что-то в этом роде.

– Фрау Кох, вы думаете, отец Александра сейчас может быть жив?

– Возможно. В лагерях английские офицеры жили довольно вольготно, но когда открыли второй фронт, эти лагеря перемещали вглубь континента. А что, они не далее о себе знать?

– Не дали.

– Ну что же, ищите, кто ищет тот обрящет. Если вы планируете побывать в Нюрнберге, можете остановиться у меня. Это был очень красивый город, сейчас одни развалины. Но кое-что интересное я вам смогу показать.

– Спасибо, фрау Кох, я остановилась в гостинице, где работала ваша дочь. Ее помнят и дали отличные отзывы.

– Моя Джессика получила достойное воспитание. Я рада, что она нашла хорошего мужа. Во время процесса в город прибыли десятки молодых девушек: стенографистки, переводчицы, машинистки, горничные, многие познакомилась с иностранными молодыми офицерами и покинули Германию, так что моя дочка не исключение. Я чем-то еще могу быть вам полезной?

– Может быть, вы вспомните еще что-нибудь, что рассказывал матрос?

– Да, я вспомнила, он сказал, что у маяка стоял катер, так они в нем пробили дно и утопили, чтобы создать видимость, что служители маяка сами воспользовались катером и куда уплыли.

– Это важная информация. Фрау Кох, я записала ваши показания, прочтите их и, если вы согласны с записью, пожалуйста, распишитесь и поставьте дату. Спасибо. Вот моя визитная карточка, если что-нибудь вспомните или узнаете, пожалуйста, сообщите. Спасибо за беседу. Надеюсь, Нюрнберг восстановят, и вы по-прежнему сможете наслаждаться его красотой.

Глава 17. Остров Рюген

Остров Рюген мне понравился. Много солнца, свежий морской воздух, песчаные пляжи и прогулочные набережные. Недаром это место выбирала немецкая знать, многие виллы, построенные на месте рыбацких хижин, сохранились и живописно смотрелись на фоне тенистых аллей. Паром доставил нас в курортное местечко, построенное по личному приказу Гитлера. Ряд одинаковых многоэтажных домов должен был стать недорогим местом отдыха для рабочих, строительство домов не завершено в связи с началом войны, и место было выбрано для лагеря английских военнопленных.

После неоднократной проверки документов на русских постах, (остров был занят советскими войсками), нас пропустили в лагерь. Собственно, лагеря, как такового уже не было: после того, как 4 мая 1945 года немецкий гарнизон острова без боя сдался советским войскам, заключенных распустили, и часть домов заняли оккупационные власти.

Нас привели в кабинет коменданта, неплохо говорящего по-английски, который приветливо поздоровался, предложил чай и спросил, чем обязан. Я решил, что лучше будет, если разговор начнет Ирен.

– Господин комендант, – приятно улыбаясь, начала Ирен, – позвольте мне, прежде всего, выразить глубокую благодарность советскому правительству и доблестной вашей армии, освободившей английских заключенных и позволившей им вернуться на Родину.

Молодец, удачное начало!

– Мы разыскиваем трех соотечественников, которые, возможно содержались в этом лагере. Они не были военными, это – смотрители маяка, которые были взяты в плен немецкой подводной лодкой 3 сентября 1939 года – в этот день Великобритания объявила Германии войну. Их имена Роберт Джонсон, Уильям Моррис и Джеймс Миллер.

– Спасибо за добрые слова, я постараюсь вам помочь. Архивы лагеря сохранились, сейчас вас отведут к моему немецкому помощнику, он – антифашист, но ради куска хлеба и поддержки семьи работал переводчиком в лагере со дня его основания, документировал все события и вел списки заключенных.

Антифашистом оказался пожилой сгорбленный и плохо одетый мужчина, который привел нас в большую комнату, уставленную тяжелыми полками и металлическими шкафами с выдвижными ящиками. Он усадил нас за длинный стол с еще не разложенными документами и спросил, когда интересующие нас лица могли попасть в лагерь? Я назвал ориентировочно начало сентября 1939 года, и он довольно быстро нашел нужные три папки.

– Я помню этих троих, – сказал он, – они надолго здесь не задержались, и с ними связана любопытная история!

И вот что мы узнали.

Лагерь только начал заполняться военнопленными. Это были преимущественно английские офицеры, моряки, летчики и парашютисты. Германия делала вид, что соблюдает Женевскую конвенцию содержания пленных, поэтому условия жизни были в лагере не такие уж плохие. Заключенные свободно общались, занимались спортом, получали посылки от Красного Креста и обеспечивались медицинской помощью. Роберт Джонсон попросил добыть для него астрономический календарь, и начал читать лекции по астрономии. Здесь часто бывает чистое небо, и многие английские офицеры охотно изучали звездную науку. А на его лекции нередко приходили и свободные немецкие военнослужащие. Эта звездная наука и помогла им бежать.

– В мае 1941 года он объявил, что 31-го ожидается уникальное небесное явление – солнечное затмение, которое хорошо будет видно с нашего острова, и организовал изготовление темных очков. Его энтузиазм заразил всех и в указанное им время, в час дня, все надели темные очки и уставились на солнце. Он не обманул, действительно солнце закрылось тенью луны и, пока охрана сидела в темных очках, эти трое благополучно выбрались на волю через

выкопанный ими подземный ход. Был большой шум, начались поиски, но их так и не нашли. Что было дальше с беглецами, можно только гадать. Если вы их ищете, значит, они до Англии не добрались, а может, их нет в живых, – закончил переводчик.

Вот и все, что удалось нам узнать. На прощанье этот антифашист повел нас по лагерю, показал место, где планируют сделать небольшой музей. Там уже была организована выставка предметов, с помощью которых заключенные пытались выбраться из лагеря, и среди них металлические орудия, придуманные Уильямом Моррисом, а на стенах развешаны фотографии, которые сделал и не успел взять с собой Джеймс Миллер. Мы с интересом рассматривали запечатленные картины лагерной жизни английских военнопленных, их праздники, собрания, чтение книг в библиотеке и музыкальные вечера. Этому лагерю повезло, что в нем оказался такой талантливый фотограф. А что это за фото?

– Ирен, подойди сюда, взгляни-ка на это фото! Как ты думаешь, где был сделан этот старый снимок?

На выцветшей фотографии, на фоне отвесной гранитной скалы, был хорошо виден катер, на котором плыла группа людей.

– Этот старый снимок сделан не на острове Рюген! Такая скала около Скалистого маяка на английском побережье, где пропала смена.

Я подозвал переводчика.

– А что это за фото? Разве на вашем острове есть такая отвесная гранитная скала?

– Это фото сделано не на нашем острове, просто моя помощница развесила все фотографии, что нашла в пачке, в спешке оставленной фотографом. Мы ее уберем. Вам знакомо это место?

– Да, пожалуйста, отдайте это фото нам.

Больше на континенте нам делать было нечего. Остров нам понравился, когда-нибудь посетим этот курорт, решили мы, и с ближайшим пароходом вернулись домой.

А что за люди сфотографированы на катере? И куда они плывут?

Глава 18. Третья встреча с суперинтендантом

– Мистер Тейлор, я снова пригласил вас, чтобы вы послушали отчет миссис Ирен и мистера Джона об их поездке на континент, – начал Бен, когда мы четверо уселись за стол. – Дело об исчезновении смены на Скалистом маяке приобретает неожиданный поворот.

Суперинтендант снова достал свою записную книжку и сообщил, что через полчаса его вызывают в Совет южных маяков, где будет обсуждаться его предложение: из-за изношенного и устаревшего оборудования он предлагает Скалистый маяк закрыть.

– Как, такую громадную башню снести? – не сдержала удивления Ирен.

– Я предложил превратить этот маяк в туристический объект. Согласно моей идее, туда будут привозить группы на экскурсии, желающие смогут остаться и изображать из себя зрителей маяка. Уже готовится реклама, я составил руководство для экскурсоводов, и попрошу место директора этого аттракциона. Да господа, по возрасту и по состоянию здоровья, с работы из Совета я решил уйти. Так что расследование события семилетней давности уже выходит из области моих интересов, и прошу меня в связи с этим делом больше не беспокоить, хотя сегодня послушать уважаемых родственников знаменитого сыщика не откажусь.

– Значит, так, – я открыл свой блокнот с заметками. – Мы с Ирен побывали в Нюрнберге у фрау Кох, матери Джессики, жены лейтенанта. И она сообщила следующее. В начале войны ее муж командовал подводной лодкой и получил задание 3 сентября 1939 года арестовать смену Скалистого маяка, а сам маяк потушить, и эта операция была им успешно выполнена. Чтобы смена ничего не заподозрила и не оказала сопротивление, вместе с матросами с подводной лодки на маяк прибыл законспирированный немецкий агент, которого эти трое хорошо знали и

вполне ему доверяли. Он сказал, что прибыла новая смена, а их отвезут домой и они, забрав свое вещи сели на прибывший катер, где на них надели наручники. А в катере, приписанном к маяку, прорубили дно и его затопили, чтобы создать видимость, что на нем смена оставила маяк.

– Теперь, о том, как у фрау Кох появилась эта книга. Муж ей рассказал, что ему было предписано троих похищенных с маяка сдать в гестапо, где после допроса их расстреляют. Но среди них оказался хорошо знакомый ему приятель англичанин, который когда-то гостил у них дома у в Нюрнберге, и он их пожалел и сдал в лагерь на острове Рюген. А книгу попросил у английского приятеля на время, пообещав отдать после войны.

– Занятная история, – перебил меня суперинтендант, – а насколько можно доверять рассказу фрау Кох? Может она просто хотела выгородить своего мужа? Наверное, она получает хорошую пенсию. Этот капитан подводной лодки жив?

– Позвольте мне закончить. Капитана уже нет в живых, его подводная лодка подорвалась на mine. Возможно, она говорила правду. Мы посетили бывший лагерь английских военнопленных на острове Рюген и узнали, что там действительно какое-то время содержали этих троих, и им удалось успешно бежать.

– Значит, вы их нашли! – обрадовался суперинтендант, – поздравляю с отличной работой!

– Мы их не нашли. Да, маленькая деталь: в лагере мы нашли снимок, которую вероятно сделал фотограф Джеймс Миллер из окна маяка, когда к маяку приближался этот катер с похитителями. К сожалению, время не пошло на пользу этому снимку, но эксперты надеются его реставрировать, и мы надеемся увидеть немецкого агента, которого хорошо знали эти трое и которому вполне доверяли. По-видимому? Он сидит за рулем катера.

– А на этой фотографии виден Скалистый маяк? – спросил суперинтендант.

– Конечно, нет, Миллер, видимо, снимал из окна маяка.

– Давайте подведем итоги, – вступил в разговор Бен, – теперь ясно, что смена была похищена. Это дает основание возбудить дело об их полной реабилитации. Далее мы знаем, что из лагеря они успешно бежали и не исключено, что они живы. Куда они направились после бегства, и что они делали после бегства, мы не знаем.

– Господа, поскольку они о себе до сих пор не дали знать, шансов найти их живыми, очень мало, – заметил суперинтендант. – В их похищении и немалая моя вина. Когда 3 сентября 1939 года Англия объявила войну Германии, я обязан был немедленно организовать надежную охрану маяка, к сожалению, я в это время был в Лондоне в учебном центре, нас готовили к работе в военное время. Тем не менее, я буду ставить в Управлении вопрос об увеличении пособий семьям этих троих и сохранении за ними их домов. Мистер Джон и миссис Ирен, вы провели большую работу и поставили много точек над I, и все-таки, не будучи специалистом в криминалистике, я обращаю ваше внимание, что для реабилитации этих троих, суду нужны серьезные вещественные доказательства, а у вас пока только «возможно» правдивый рассказ заинтересованной миссис Кох, и фотография, «вероятно» сделанная Джеймсом Миллером у Скалистого маяка. А может, и не им, и не у Скалистого маяка? Впрочем, опять оговорюсь: я не специалист в криминалистике.

– Мистер Тейлор, последний вопрос, – попросил я, – а кто перед войной сопровождал каждую смену на маяк?

– Столько лет прошло... да, их было двое: старший смотритель Эдвард Смит и капитан-инструктор Роберт Паркер. Они по очереди возили на маяк новую смену и возвращались со старой. Спасибо за интересную беседу и позвольте откланяться.

Глава 19. Нужен хороший аквалангист

– У этого служивого практический ум, – заметил Бен, когда гость ушел.

– Действительно, нужны вещественные доказательства, а их у нас нет.

– Пока нет, – подключилась Ирен. – Бен, ты обратил внимание, что по рассказу фрау Кох, для создания видимости, что смена сама уплыла на катере, приписанном к маяку, похитители этот катер затопили. Нужен хороший аквалангист. Может он обшарит дно вокруг маяка, там должно быть не так уж глубоко и найдет этот катер. Фрау Кох сказала, что у катера прорубили дно.

– Я это сделаю сам, – вызвался я.

– Ты хочешь меня сделать вдовой?

– Ирен, я окончил курсы аквалангистов. Дома покажу сертификат, надо только достать костюм и баллоны с кислородом. Бен, ты сможешь организовать судно, с которого я буду опускаться?

– Постараюсь. Если катер найдешь, мы его поднимем, – закрыл наше совещание Бен, – а фотографию, приписываемую Джеймсу Миллеру, отдам на экспертизу. Может быть, фотография катера с похитителями что-то прояснит.

– Мы полагаем, – заметил я, – что эти новые данные позволяют поднять вопрос о реабилитации пропавшей смены.

– Я думаю, надо подождать, если мы опубликуем версию о похищении, его организатор поймет, что нам что-то известно и ляжет на дно, – решил Бен.

Дома, когда за чаем, я прочитал вслух заметки, сделанные во время разговора у Бена, Ирен сказала:

– Джон, ты обратил внимание на слова суперинтенданта, «В их похищении и немалая моя вина, 3 сентября 1939 года, когда Англия объявила войну Германии, я обязан был немедленно организовать охрану маяка, к сожалению, я в это время был в Лондоне в учебном центре, нас готовили к работе в военное время». Зачем он это сказал?

– Он переживает, что не предотвратил это похищение.

– Ничего он не переживает! Просто он сообщил нам, что у него есть алиби! И когда он поздравил нас с отличной работой, ты обратил внимание на выражение его лица?

– Нет.

– А я обратила. С таким выражением лица обычно говорят «Черт бы вас побрал!» Джон, его алиби нужно немедленно проверить, и за ним установить слежку.

– Хорошо, я завтра попрошу Бена.

– Не завтра, а сейчас, – она подвинула ко мне телефон.

Я сообщил Бену требование Ирен, и он после некоторого колебания, обещал завтра же прикрепить к нам опытного сыщика, который будет следить за суперинтендантом, и свяжется с учебным центром, где он находился, когда началась война.

И уже перед сном Ирен попросила,

– Джон, ты можешь увидеть этих двоих?

– Кого?

– Старшего смотрителя Эдварда Смита и капитана-инструктора Роберта Паркера?

– Я попробую.

Они оба уже не работали в службе Скалистого маяка, но Эдварда Смита я нашел в Гастингсе, он был на пенсии и жил в доме дочери.

– Мистер Смит, – спросил я, – вы помните события начала сентября 1939 года, когда пропала смена Скалистого маяка. Вы ведь работали тогда на маяке?

– Конечно, помню. 3 сентября 1939 года береговая служба получила сообщение от проходящего судна, что Скалистый маяк потух, но был сильный шторм и сразу отправить помощь маяку не смогли.

– А где вы были в тот день?

– В Гастингсе. На свадьбе моей дочери. У меня был отпуск на три дня, но, в связи с объявлением войны, меня вызвали на службу, и на следующий день зять меня отвез. На третий

день шторм утих и 6 сентября группа, в которую кроме меня вошли трое новой смены и врач, причалила к острову. Я дал ракету. Никто не вышел. Высадились и поднялись на маяк, никого нет. Исчез также приписанный к маяку катер, на котором предыдущая смена прибыла на маяк. Окончательно убедившись, что смена исчезла, я составил сразу протокол. Пропавших было трое: Роберт Джонсон, смотритель, Уильям Моррис помощник и Джеймс Миллер, стажер.

– А почему вас вызвали из Лондона, ведь новую смену мог повезти капитан-инструктор? Кстати, откуда такое название «капитан-инструктор»?

– Его так прозвали в поселке, он очень гордился тем, что в качестве капитана плавал за зерном на Амазонку. И то, неудачно, на судне загорелось плохо проветриваемое зерно. Пожар удалось потушить, но у него отняли капитанский диплом, и он устроился на нашем маяке инструктором. Почему вызвали меня? Да, он тоже возил новую смену на маяк, мы с ним менялись, но он уже неделю лежал с инфарктом в больнице.

– А где он сейчас?

– Там, куда со временем отправлюсь и я. Он тогда в больнице и умер.

– И что вы решили, когда увидели, что маяк пуст?

– Я подумал, когда начался шторм, они спустились вниз, чтобы закрепить катер и спрятать все привезенные припасы, и их смыли волны. Потом следствие с этим не согласилось.

– У обоих – алиби, – сообщил я Ирен, вернувшись из Гастингса, – Что будем делать?

– Надо искать третьего.

Глава 20. Подъем катера

Оборудование для спуска под воду я взял напрокат. Кроме непромокаемого гидрокостюма, скафандра, рукавиц и ластов, привез домой баллоны с сжатым воздухом, комплект дополнили фонарик, компас, нож и сигнальный маячок.

Бен сообщил, что вспомогательное судно «Чайка» ждет нас в порту Гастингса. Ирен настояла, чтобы я взял ее с собой, и в ближайший день, когда по прогнозам ожидается спокойная солнечная погода, мы прибыли на борт «Чайки», где нас ожидал сюрприз: Бен со своим аквалангом решил погрузиться вместе со мной.

– Дело рискованное, – сказал он, – не только по тому, что при спусках возможны несчастные случаи, например, встречи с акулами, но и потому, что кто-то, по-видимому, следит за нашим расследованием и я, на всякий случай принес два специальных пистолета для подводной стрельбы. Так что, Джон мы будем плавать рядом, и в случае опасности, придем на помощь друг другу.

Ирен тронула эта забота, она одарила Бена ласковым взглядом и погладила по плечу, что было совсем лишнее.

«Чайка» стала на якорь вблизи Скалистого маяка, и мы вдвоем погрузились в воду, договорившись, что начнем поиск с южной стороны, где море глубже и, хотя найти катер будет труднее, но скорее всего, если его решили затопить, то сделали это на хорошей глубине.

Давно я не нырял так глубоко, хорошо, что Бен рядом. Под водой царит таинственная тишина, и только шум дыхательного аппарата слышен в ушах. Лучи солнечного света, проникающие сквозь воду, напоминают, что сверху нас ждут. Мы не спеша плывем, осматривая дно. Коралловые рифы светятся, словно ожившие картины. Рядом с нами плавают любопытные рыбы. Бен дает сигнал к подъему, мы возвращаемся на поверхность и отмечаем на карте обследованные места.

Небольшой отдых и новое погружение.

Катер мы нашли в конце дня, он лежал на глубине 25 метров, частично погрузившись в илистое дно. Я провел рукой по покрытому водорослями корпусу катера. Похоже, это то, что мы искали. Бен с помощью фонарика, пытается найти дыру в дне, но осветить дно не удастся, все покрыто илом.

Катер надо поднять, такое решение было принято, как только мы вернулись на судно, и прибыли в порт, оставив на нужном месте плавучий буюк.

Я не буду описывать, как подняли, катер, это делали специалисты с плавучей платформы, а когда он повис на канатах над водой, и брандспойтами смыли с него растения и ил, то мы увидели дно с большой дырой под средним сидением. Я достал фотоаппарат и сделал с десяток снимков, а Бен составил необходимый протокол.

Больше всех была довольна Ирен. Во-первых, я не оставил ее вдовой. Во-вторых, рассказ миссис Кох о похищении смены подтвержден серьезным вещественным доказательством: у катера пробито дно, и, в-третьих, невиновность пропавшей смены, которая якобы самовольно покинула маяк на приписанном к маяку катере, достаточно убедительно доказана и можно ставить вопрос об их полной реабилитации.

Катер отправили в ремонтный док для осмотра и возможного ремонта, а мы вернулись домой.

Предъявленные суду результаты нашего расследования: проведенные интервью и вещественные доказательства: книга «Звездный каталог Ван Марча», фотография катера с похитителями и сам катер с пробитым дном, привели к полной реабилитации пропавшей смены, а их семьи потребовали выплатить им пенсии по случаю потер кормильцев за прошедшие семь лет!

Осталось найти немецкого ставленника, которого хорошо знали пропавшие. Видимо он ведет катер на добытой нами фотографии. Над этим снимком начали работать эксперты, и мы ждем результаты.

Глава 21. Стандартная практика

Бен сдержал слово и вызвал суперинтенданта в полицейский участок. Суперинтендант пришел в точно назначенное время, уж в чем, в чем, а в небрежности или неаккуратности его упрекнуть нельзя. Он положил на стол свою форменную фуражку с эмблемой Совета южных маяков и взглянул на часы, как поступают деловые люди, ценящие свое время и время других.

– Добрый день сэр, чем обязан? – обратился он к дежурному констеблю.

– Мистер Джек Тейлор? – спросил констебль, которому Бен поручил вести допрос.

– К вашим услугам, сэр.

Я и Бен расположились в соседней комнате, где через приоткрытую дверь все было хорошо слышно, мой блокнот и новенькое вечное перо были готовы запечатлеть как правду, так и ложь.

– Мы вас пригласили вот по какому поводу. Поступили сведения, что вы – член Британского Союза Фашистов. Это правда?

– Наконец-то! Годы я ждал этого вопроса, потом решил, что моя безупречная служба в Совете южных маяков навсегда закрыла тот неприятный период моей жизни. Значит, я ошибся.

– Мистер Тейлор, вы не ответили на мой вопрос. Вы – член Британского Союза Фашистов?

– Прежде всего, этого Союза давно не существует...

– Да или нет?

– Нет. Увы, когда-то я был увлечен его идеями. Вы, наверное, знаете, чем он привлекал людей. В противовес призыву Карла Маркса «Пролетарии всех стран соединяйтесь», фашисты считали, что народы должны объединяться не по классовым, а по национальным, языковым и культурным признакам. И это меня привлекло. Но когда это течение выродилось в пропаганду превосходства немецкой нации, я сразу оттуда ушел. Так что никакой вины за собой не вижу.

– Вы не видите за собой никакой вины, но участие в Британском Союзе Фашистов в своей биографии не указали, почему?

– Это была ошибка молодости. Мы все делаем в жизни ошибки, разве о них надо обязательно писать, когда указываешься на работу?

– Если это была ошибка, зачем вы сменили имя и фамилию?

– Откуда вы знаете? Простите, просто вырвался вопрос.

– Это наша работа. И так?

Наступило длительное молчание. Интересно, как он ответит на этот вопрос. Я словил себя на том, что все меньше доверяю этому человеку.

– Я жду ответа.

– Мне стыдно признаться. Я это сделал по личным причинам после неудачной женитьбы. Я обвенчался с женщиной, которая скрыла, что у нее уже есть две дочери и, не успев стихнуть свадебный марш, как она начала мне изменять. Я от нее ушел, а она потребовала платить ее дочерям алименты. И добилась решения суда. С какой стати я буду платить алименты чужим детям? Я переехал в другое место, сменил имя и фамилию. Что вас еще интересует? Меня ждет работа.

– Вы знаете немецкий язык?

– Относительно. Учил в школе

– Пока все.

– Я свободен?

– Еще нет. Вот вам бумага и ручка. Опишите свою деятельность в Британском Союзе Фашистов. Поддерживает ли связи с другими членами этого Союза. Все подробно.

Наступило молчание, видимо, он что-то писал.

– Вот, пожалуйста, особенно писать не о чем. Сейчас ни с кем из бывших членов Союза контактов не имею. А могу я задать вопрос?

– Можете.

– Чем вызван этот неожиданный вызов в полицию?

– Разве вам не сказали? Совет южных маяков собирается предложить вам другую должность и попросил нас посмотреть ваше личное дело. Это – стандартная практика. Мы проверим ваши показания.

– Показания? Насколько мне известно, показания берут у арестованных, подозреваемых в неких проступках. Я что, арестован?

– Нет, вы свободны. Дайте, я отмечу ваш пропуск. Но, наша встреча была конфиденциальной и весь разговор должен остаться между нами. Возможно, нам придется встретиться еще раз. Вот, подпишите подписку о невыезде.

Когда суперинтендант ушел, мы вошли в комнату, где происходил допрос. Весь разговор хорошо был слышен. Мы прочли сделанную им короткую запись. Он написал, что в Союзе был курьером. Просто разносил и развозил почту.

– Как ты думаешь, – спросил меня Бен, – он говорил и написал правду?

– Скользкий тип, – заметил я, – по словам Мэри Ричардсон, он с оружием в руках разгонял противников фашистского шествия и был телохранителем самого Освальда Мосли. Что будем делать? Бен, ты можешь его задержать?

– Какое-то время продолжим слежку. Оснований для его ареста пока недостаточно. А потом, возможно, он выведет нас на свои связи. Не может быть, чтобы он действовал в одиночку.

Бен, как в воду глядел!

Глава 22. Любовное письмо

Этот разговор состоялся дождливым вечером, в нашей гостиной на Бейкер стрит, когда пойти было некуда и новая хозяйка знаменитой квартиры, племянница миссис Хадсон, принесла чай с круассанами. Ирен делала вырезки из газет, а я просматривал свои записные книжки.

– Если считать, что ты унаследовала у своего знаменитого дедушки Шерлока Холмса гены сыщика, то почему я не могу унаследовать литературные способности моего деда доктора Ватсона? – спросил я у Ирен. – Я хочу описать нашу первую встречу. Ты разрешаешь мне взяться за перо?

– Тогда позволь и мне взять в руки скрипку. Слышишь, как стучат по стеклам капли? Я сыграю тебе «Мелодию дождя».

Под мелодию дождя я взял ручку и начал писать. После этого, я не раз просил Ирен, снова сыграть эту мелодию, под которую моя ручка сама строила сюжет, находила нужные эпитеты, метафоры и гиперболы, которыми профессиональные журналисты искушают простодушных читателей.

Мою работу прервал посетитель – наш приятель лейтенант Джонсон.

Он сообщил, что оставил военную службу и хочет устроиться на работу в охрану секретного ядерного центра в Вулвиче. Ему обещают служебную квартиру, и он собирается переселиться с женой в Лондон.

– Теперь мы сможем чаще видеться, – сказал Александр.

– Вы пришли, чтобы узнать, как движется поиск вашего отца? – спросил я, – мы многое узнали...

– Да, конечно, мне интересно узнать о ваших находках, – прервал меня Александр, – но сейчас я пришел не за этим, – он вынул из кармана и положил на стол мятое письмо, – вот, что я нашел в нашем почтовом ящике. Это письмо Джессике, раньше она писем не получала. Она сейчас в Лондоне на занятиях в музыкальной консерватории.

– Александр, вы хотите прочитать это письмо? – спросила Ирен.

– Да, а как это можно сделать, чтобы Джессика не знала?

– Я умею распечатывать и запечатывать письма так, что получатель не узнает. Сейчас откроем.

Немного повозившись, Ирен вскрыла конверт и передала его Александру. Он вынул короткое письмо, прочел и передал нам.

«Дорогая Джессика

*Как быстро ты забыла, что клялась мне в вечной любви и верности,
а после этого сбежала с английским лейтенантом! Тебе не стыдно?*

Неужели ты думаешь, что я так легко с этим смирюсь и тебя отпущу?

Даю тебе день на размышление, ты знаешь, у меня длинные руки.

*Еще не поздно, одумайся и вернись ко мне во имя нашей прежней
любви. Твое увлечение я прощу, и мы будем счастливы.*

Альберт.

P.S. Жду тебя завтра в Гайд Парке у фонтана в час дня»

– Похоже, это любовное письмо от ее прежнего кавалера, – взволнованно сказал Александр. Она никогда раньше мне не говорила, что у нее были любовные связи, ей всего 18 лет. Может мне не показывать ей это письмо? Или пойти самому и встретиться с этим малым? Он ей угрожает! Что вы посоветуете? Джессика не рассказывала мне об этом Альберте, о ее прошлом я так мало знаю.

– Конверт без обратного адреса, марка есть, но не проштампована, – потрогала конверт Ирен.

– Видимо он спешил, сначала собирался воспользоваться почтой, а потом передумал, просто пришел и опустил это письмо в почтовый ящик, – подключился я, – Александр, вы не спрашивали, может, его видел кто-то из ваших соседей?

– Я об этом не подумал.

– Дайте-ка письмо, – Ирен вооружилась лупой, – старая пишущая машинка, текст напечатан в спешке, некоторые слова почти не разделены. Очень любопытное письмо.

– Господа, мне пора, она скоро вернется. Что вы посоветуете?

– Джон, сфотографируй письмо, а я заклею конверт. Отдайте ей это письмо. Интересно, позволит ли она его вам прочитать. Нет, ходить с ней на свидание вам не надо, пусть идет сама, а мы за ней проследим.

Я быстро рассказал Александру о результатах нашей поездки в Германию и выразил надежду, что его отец жив. Во всяком случае, уже ясно, что пропавшие не виноваты, и мы будем ставить вопрос об их реабилитации.

– Александр, – уже у двери спросила Ирен, – вы сказали, что будете работать в охране секретного ядерного центра, не спрашивала ли Джессика у вас об этом центре?

– Теперь я припоминаю, что спрашивала. Она интересовалась, нет ли возможности ей устроиться там на работу, например, переводчицей. Я как-то не придавал этому значения и обещал узнать. Вы думаете, что она...

– Мы ничего не думаем, не будем спешить с выводами, идите домой, и спите спокойно.

На самом деле мы не хотели его расстраивать, но письмо Джессике нам не понравились.

– Джон, это – не любовное письмо, – заявила Ирен, когда мы вечером рассматривали фотографию. Во-первых, это та же машинка, видишь буква «е» плохо пропечатана, а у буквы «у» пропал хвостик. И еще, я просила тебя выяснить, что такое кандела. Ты узнал?

– Да. Это единица измерения силы света маяка. Почему ты об этом вспомнила?

– Посмотри внимательно на текст, видишь, он специально написан столбиком. А теперь прочти подряд первые буквы каждой строчки.

– Действительно, получается слово кандела! Может, это случайность?

– Это, скорее всего пароль. Дело не чисто. Я думаю, что человек, написавший это письмо, хочет срочно сообщить Джессике что-то очень важное, а пароль написал, чтобы она знала от кого это письмо. Я завтра загримируюсь и за ней прослежу.

– Ирен, это очень опасно, – возразил я, – помнишь анонимку?

– На всякий случай, возьму с собой свой Браунинг, а ты со своим Вальтером будешь прогуливаться в парке по-соседству, и если надо, вмешайся.

– Ирен, она тебя хорошо знает, надо найти другую идею.

И эту идею Ирен нашла вечером, когда мы были на Дне Рождения ее подруги Эммы.

Было немного гостей, рыженькая Эмма только что рассталась со своим кавалером, который потребовал, чтобы она свела веснушки, и с интересом выслушала предложение Ирен последить за Джессикой.

Отец Эммы, спросил:

– Кто эта Джессика?

– Мистер Свенсон, мы расследуем дело о пропаже смены со Скалистого маяка 3 января 1939 года, кажется, это вы первый сообщили о потухшем маяке? Может быть, вы вспомните какие-нибудь детали?

– Было темно, как в преисподней. Кажется, я видел, как от маяка отъезжал катер, я подумал, что на маяке что-то испортилось, и смена срочно едет за помощью. Это было не так?

– По нашим сведениям маяк был потушен, а дежурные смены были похищены немецкой службой. Джессика – немка, возможно, она имеет к этому какое-то отношение.

Мы подробно проинструктировали Эмму, дали фото Джессики и адрес ее дома.

– Ни во что не вмешивайся, просто за ней последишь и вечером расскажешь, – объяснила Ирен.

– Ты еще будешь меня учить, – обиделась Эмма, – я рассказы о похождениях твоего деда знаю наизусть. Будьте спокойны, она от меня не уйдет. А она – хорошенькая, с ней что-то не так?

– Пока еще говорить рано. У нее будет с кем-то свидание в Гайд Парке завтра в час дня. Посмотришь с кем, если удастся, подслушаешь их разговор. Будь осторожна: если она догадается про слежку, все пропало.

Глава 23. Свидание

(Рассказ Эммы)

– Я надела простое серенькое платье и шляпку, – начала Эмма, – и в двенадцать часов дня расположилась недалеко в скверике, откуда был виден указанный вами дом. Когда она вышла, я немного подождала и отправилась следом.

– Эмма, ты не заметила, она оглядывалась?– спросил я.

– Не оглядывалась, но один раз она остановилась, и, достав зеркальце, поправляла волосы. Я знаю, так делают, чтобы в зеркальце увидеть, кто идет сзади. Но я смешалась с прохожими, помогала нести сумку какой-то старушке и разговаривала с ней, обернувшись так, чтобы ваша Джессика не видела моего лица. Я взяла с собой темные очки, шарфик, кофточку и косынку, чтобы менять наружность.

– Эмма, переходи на работу в наше агентство! – засмеялась Ирен.

– Она направилась к станции метро, а я двинулась за ней, сохраняя дистанцию. Помогла молодой маме нести ребенка.

В метро она вошла в вагон, выбрала скамейку со свободным местом справа, куда положила свою зеленую сумочку и стала читать газету, а я расположилась недалеко по-соседству и, прикрывшись полями шляпки, с интересом рассматривала немецкую барышню, так быстро соблазнившую бравого английского лейтенанта.

В стороне начал плакать ребенок, я на минутку отвернула голову и вовремя скосила глаза обратно на место, где лежала зеленая сумочка. Там спиной ко мне остановился высокий худой мужчина.

– Мадам, вы позволите мне сесть?

– О, простите, – извинилась она, – подняла сумочку и повесила на плечо.

Мужчина сел, она раскрыла сумочку, достала зеркальце и губную помаду и начала подкрашивать губы, а севший рядом мужчина незаметно следил за ее манипуляциями. Потом она положила помаду и зеркальце обратно в сумочку и, забыв ее закрыть, снова принялась за газету. Когда он повернул голову, я смогла его рассмотреть. Теперь я не отводила от этой пары глаз. Мужчина, задумавшись, смотрел в потолок, а потом достал из кармана носовой платок, вытер лицо и, засовывая его обратно в карман, уронил записку в открытую сумочку Джессики.

– Мадам, вы забыли закрыть вашу сумочку, – услышала я его голос.

– О, большое спасибо, – поблагодарила она, закрыла сумочку и перевесила ее на левое плечо, а мужчина опять уставился в потолок.

Они доехали до Гайд Парка и оба вышли из вагона. Если я не узнаю, что в той записке, подумала я, Ирен мне этого не простит. Я вышла за ними, догнала Джессику, схватила зеленую сумочку за ремешок, стащила у нее с ее плеча и, закричала, так, что обернулись прохожие,

– Это моя сумочка, отдай!

– Вы ошиблись, – испуганно ответила она, – вы обознались!

– Не ошиблась! – я продолжала тянуть сумочку к себе, – я ее забыла в метро, а ты взяла, отдай! Полиция!

К нам тут же подошел какой-то мужчина и, предъявив удостоверение полицейского, приказал: «Идите обе за мной, в полицейском участке разберутся».

В участке он объяснил дежурному суть конфликта, и тот спросил меня,

– Вы уверены, что это ваша сумочка? Тогда скажите, что в ней лежит?

– Помада, зеркальце, – сказала я и, вспомнив, что она вытирала руки голубым платочком, добавила, – голубой платочек.

– Она просто видела, как я красила губы, – возмутилась Джессика, – ну-ка, скажите, что еще в моей сумочке. Не знаете. Там лежат ключи от квартиры и деньги. Ну-ка, скажите, сколько в сумочке денег? Не знаете. Двенадцать фунтов.

– Сейчас проверим, – дежурный взял сумочку, открыл ее и стал выкладывать содержимое на стол. – Да, ключи от квартиры, деньги двенадцать фунтов, ручка, блокнотик, расческа. Какая-то записка. Вы по-прежнему уверены, что это ваша сумочка? – этот вопрос ко мне.

– О, боюсь, что я ошиблась. Прошу прощения.

– Тогда инцидент исчерпан, и все свободны.

Она быстро собрала свои вещи.

Когда мы вышли, я еще раз извинилась перед ней. Она пошла обратно в сторону метро, а я, чтобы не возбуждать подозрений, купила букетик тюльпанов и пошла в парк. Я решила, что свидание уже состоялось.

– А что было в записке, узнать не удалось?

– Это был просто белый листок бумаги.

– Эмма, переходи к нам на работу! – снова пошутила Ирен.

– А что будет с моими больными? Кто будет делать уколы, и менять им дайперы?

Подруги обнялись и Эмма ушла.

– То, что в записке ничего не было написано, меня не удивляет, – сказал я, – конечно, текст написан симпатическими чернилами и Джессика знает как его прочитать. Бедный лейтенант, боюсь, что он стал жертвой хорошо продуманной комбинации.

Новость, которую мы узнали на следующий день, все поставила с ног на голову. В этом же вагоне метро ехал Джек Тейлор и, следивший за ним, агент Бена. Мужчина, который опустил записку в сумочку Джессики, был суперинтендант.

Глава 24. Союз немецких девушек

Джессику вызвали в полицейский участок на следующий день после ее встречи в метро. Она нервничала и даже перепутала дверь.

– Добрый день, сэр, чем обязана? – обратился она к дежурному констеблю.

– Миссис Джессика Кох? – спросил констебль, которому Бен поручил вести допрос.

– Я уже взяла фамилию мужа, сэр. Моя фамилия Джонсон.

– Мы знаем, просто разговор будет идти о вашем прошлом, когда у вас была фамилия Кох.

Я и Бен расположились в соседней комнате, где через приоткрытую дверь все было хорошо слышно, мой блокнот и новенькое вечное перо были готовы запечатлеть как правду, так и ложь.

– Мы вас пригласили вот по какому поводу. Поступили сведения, что вы были членом Гитлерюгенда. Это – правда?

– Я не была членом Гитлерюгенда, вам должно быть известно, что туда не принимали женщин.

– Но вы носили форму?

– Это была форма Союза немецких девушек.

– Значит, вы были членом Союза немецких девушек?

– Это союз давно распущен.

– Да или нет?

– Да. Тогда в Германии каждая девушка была обязана вступить в этот Союз.

– Почему вы скрыли это в своей биографии?

– Это не был ни военный, ни политический Союз. Мы ходили в турпоходы. На привалах разводили костры, готовили еду и пели песни. Пользовались успехом ночные наблюдения за полной луной с ночёвкой в стоге сена. Готовили театральные постановки и кукольные представления, занимались народными танцами и учились игре на флейте. Особое место

занимали занятия спортом и групповые игры. А в зимнее время мы занимались рукоделием и поделками. Что здесь плохого? Зачем я должна была об этом писать?

– Но вы были лояльны Гитлеровскому режиму.

– Конечно, я была лояльна. Иначе мы бы сейчас не встретились. Я бы сгнила в концлагере.

– Расскажите, как вы познакомились с Александром? По своей собственной инициативе, или вас кто-то попросил?

После небольшого молчания, видимо, она искала подходящий ответ, еле слышно:

– Меня попросила мама. Я ей его показала, и она сказала, что лучшего мужа мне не найти.

– Миссис Джессика, что вы делали в Нюрнберге? Вы ездили проведать маму и пробыли у нее один день, а отсутствовали целую неделю.

– Откуда вы знаете?

– Это наша работа.

– Тогда вы знаете, что я встречалась с друзьями и подругами.

– У вас был возлюбленный до Александра?

– Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

– Откуда вы знаете английский язык?

– Учила в школе. Я свободна?

– Еще нет. Вот вам бумага и ручка. Опишите свою деятельность в Союзе немецких девушек. Поддерживаете ли связи с другими членами этого Союза. Все подробно.

Наступило молчание, видимо, она что-то писала.

– Вот, пожалуйста, особенно писать не о чем. Сейчас ни с кем из бывших членов Союза контактов не имею. А могу я задать вопрос?

– Можете.

– Чем вызван этот неожиданный вызов в полицию?

– Вашего мужа планируют зачислить в охрану важного государственного объекта, и мы проверяем все его окружение. Это – стандартная практика. Пожалуйста, подпишите ваши показания.

– Показания? Насколько мне известно, показания берут у арестованных, подозреваемых в неких проступках. Я что, арестована?

– Нет, вы свободны. Дайте, я отмечу ваш пропуск. Но, наша встреча была конфиденциальной и весь разговор должен остаться между нами. Возможно, нам придется встретиться еще раз. Вот, подпишите подписку о невыезде.

Когда Джессика ушла, мы вошли в комнату, где происходил допрос.

Весь разговор хорошо был слышен.

– Как ты думаешь, – спросил меня Бен, – она говорила и правду?

– Женщины умеют правдоподобно лгать, – заметил я, – Бен, ты можешь ее задержать?

– Какое-то время продолжим слежку. Оснований для ее ареста пока не вижу. Давай подождем.

Это была ошибка.

Глава 25. Самый популярный сонет Шекспира

Наконец, пришло сообщение из лаборатории Скотланд Ярда. Криминалисты восстановили фотографию катера, который движется к маяку. Сидящий за рулем мужчина, конечно, не знает, что его фотографируют из окна маяка, иначе он прикрыл бы лицо козырьком форменной фуражки с эмблемой Совета южных маяков. Он озабочен, но не испуган, брови сдвинуты, напряженно смотрит вперед. На щеке пятнышко. Вероятность того, что это –

суперинтендант Джек Тейлор, составляет 75 процентов, сообщил эксперт. Бен решил, что 75-ти процентов достаточно, чтобы получить согласие суда на обыск, решил сделать это немедленно и пригласил меня.

Когда мы приехали, суперинтенданта не было дома. На стук вышла пожилая женщина.

– Полиция, – Бен предъявил удостоверение, – здесь живет Джек Тейлор?

– Хозяина нет, – испуганно глядя на пистолеты, сказала женщина, – он сегодня дома не ночевал.

– А вы кто?

– Я экономка. Что случилось?

– Позвольте пройти.

Оттеснив женщину, мы вошли в дом.

– Кто-нибудь есть еще в доме?

– Нет, я одна.

– Он часто не ночует дома?

– Не считала. Я рано ложусь спать.

– Где может быть ваш хозяин?

– Откуда я знаю? О своих делах он мне не рассказывает. Может он на работе.

– Начнем обыск, – скомандовал Бен, и двое, констеблей, спрятав пистолеты, подошли к письменному столу и стали выдвигать ящики.

– Я попрошу вас ответить на несколько вопросов, – позвал экономку Бен, а я достал свой блокнот.

– Вы давно у него работаете?

– Шесть лет

– У него бывают посетители.

– Бывают.

– Кто?

– Иногда приходят местные. Пьют чай, играют в карты, или кто-то по работе.

– Вы составите для нас список людей, которые у него бывали. Он получает письма?

– Да.

– От кого?

– Не знаю, я не любопытна.

– Чем он занимается вечерами?

– Читает, гуляет по поселку, иногда что-то печатает на пишущей машинке. Любит слушать музыку.

– Покажите его пишущую машинку.

– Хозяин ее где-то прячет

– Вот эта машинка, инспектор, – констебль принес машинку, – мы отодвинули книжную полку и увидели сейф в стене. Мы его открыли.

Я с Беном подошли к сейфу. Там лежали деньги, письма, пистолет, а в самом низу нашли, то, что никак не ожидали: пачку фотографий фашистского митинга в Альберт Холле. Они были сделаны в 1934 году Джеймсом Миллером, и совсем недавно украдены у матери фотографа. Видимо, Джек Тейлор там светился и боялся, что его узнают.

– Миссис, вы знаете, откуда здесь эти фотографии?

– Случайно знаю. Эту пачку принесла незнакомая девушка.

– Можете ее описать?

– Обыкновенная девушка. Красивая. Каштановые вьющиеся волосы. Очень спешила.

– О чем они говорили.

– Они притворили дверь, но он дал ей деньги, наверно, эти фотографии купил.

– Вы обратили внимание, в последнее время был он чем-то озабочен, обеспокоен? – продолжил интервью Бен.

– Похоже, что, да. Начал выпивать. Ночью вставал, жег какие-то бумаги.

– Где его вещи?

Мы подошли к большому платяному шкафу, где в беспорядке валялась одежда.

Возможно, он что-то искал или спешно собирался в дорогу.

– Вам мистер Тейлор не говорил, он куда-то собирался?

– Говорил, что собирается в отпуск.

– Куда?

– Не знаю. Господа, чем вызван ваш обыск?

– Государственными интересами. Если мистер Тейлор появится, немедленно сообщите в полицию. Это – ваш гражданский долг.

– Наверно мне надо искать другую работу? Здесь такое тихое место.

– В тихом омуте черти водятся. Пока оставайтесь здесь, ничего не трогайте. В долгу не останемся. Джон, напечатай что-нибудь на этой машинке.

Я сел за стол и вложил лист бумаги и начал печатать.

«Уж если ты разлюбишь - так теперь,

Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.

Будь самой горькой из моих потерь,

Но только не последней каплей горя!»

– Что ты печатаешь?

– Самый популярный сонет Шекспира, номер 90. Бен, то, что ты хотел увидеть, здесь есть. Плохо пропечатывается буква «Е», а у буквы «У» почти не виден хвостик. И анонимку, и письмо поклонника Джессике печатал он.

После составления протокола обыска, уже в машине, Бен сказал:

– Улик достаточно. И эту пачку фотографий с фашистского митинга я передам для опознания. Боюсь, Управлению южных маяков придется искать нового суперинтенданта, а этому грозит петля. Если он домой не вернется, мы объявим его в розыск.

Глава 26. Джессика

Вот и пришла зама. Лондон окутал туман, придающий улицам и зданиям мистический вид. Воздух – прохладный и влажный, лондонские парки и скверы, покрыты тонким слоем инея. На деревьях почти нет листвы, и их голые ветви создают узор на фоне серого неба.

На улицах города царит предрождественское оживление. Витрины магазинов украшают праздничные огни, а пабы и кафе манят теплом и уютом. Темза течет спокойно, отражая огни города. Наша прогулка по набережной в такое время – это возможность насладиться видами и почувствовать величие и спокойствие города.

– Джон, я замерзла, пошли домой.

Дома с чашками чая мы сели у камина, а я стал листать Британскую энциклопедию на букву «М».

– Что ты ищешь?

– Ирен, мы еще не отметили наш медовый месяц. Знаешь, где мы его проведем?

– Где? В Венеции?

– Нет.

– На Багамах?

– Нет. На маяке! Я нашел самый дальний и самый высокий маяк в Шотландии на острове Барра. Ты представляешь, какая это будет экзотика?

– Если ты ищешь экзотику, давай проведем наш медовый месяц в шахте. Недавно затопило шахту короля Георга, где добывают серебро. Отличное место!

– Ирен!

– Господа, к вам гостя, – в гостиную заглянула мисс Хадсон.

– Кого это несет в такую погоду? О, Эмма, заходи! Джон, подвинь зеленое кресло к камину. Мисс Хадсон, пожалуйста, еще один прибор, где-то у нас осталось шерри?

– Ой, как холодно! Ирен, Джон, что я вам расскажу! Дайте отдышаться. Только что вернулся из рейса папа. Он курсирует по Ла-Маншу, его корвет «Патриот» переоборудовали для туристов. Папе выдали новую форму: белоснежный китель с золотыми погонами...

– Эмма, ты к нам пришла в такую непогоду, чтобы рассказать какую форму носят капитаны?

– Извините. А хочу вам сообщить, что случилось на папином корабле. Когда уже виднелись огни Шербура...

– На судне начался пожар?

– Джон, оставь свои шутки, – остановила меня Ирен. – Итак, уже виднелись огни Шербура, дальше?

– Отец получил радиogramму: объявлена в розыск опасная преступница Джессика Кох, всем, кто найдет, предписывалось ее немедленно задержать. Она вооружена и очень опасна. Вознаграждение – тысяча фунтов. Описаны приметы. Радист немедленно распечатал сообщение, его получили офицеры и полицейские охраны корабля. Поиск начался в каютах, куда заглядывали под благовидным предлогом розыска дорогой пропавшей собачки, проверили библиотеку, кафе и концертный зал, где выступал корабельный оркестр. Начали обходить палубу.

– Эмма, не тяни, ее нашли?

– Нашли! Она стояла на корме у борта и любовалась огнями побережья. Очень скромно одета, серенькая шляпка, а на плече та самая зеленая сумочка, куда бросил записку...

– Эмма, не тяни, кто получит тысячу фунтов?

– Никто! Когда к ней направились двое полицейских, она мгновенно перегнулась через борт и бросилась в воду!

– И?

– Тысяча фунтов – приличная сумма, за такие деньги можно съездить в Париж! Один из полицейских сбросил униформу и прыгнул вслед. А второй кинул ему спасательный круг. Вскоре мокрого полицейского подняли наверх, а преступницу так и не нашли.

– И это все?

– Не все, свою зеленую сумочку она уронила на палубе. Как вы думаете, за сумочку могут что-то дать? Вот это я и хотела вам рассказать. Мне ее жалко, такая красивая девушка, наверное, ее сожрут акулы. А почему ее объявили в розыск?

– Немецкая шпионка, – объяснила Ирен, – при обыске у нее дома нашли форму Союза немецких девушек из Гитлерюгенда, которую она, видимо, надеялась еще надеть. В ее книжках был спрятан шифровальный блокнот, а на ее туалетном столике с этикеткой «Шампунь» стояла бутылочка с раствором для проявления симпатических чернил. Теперь ясно, замуж за лейтенанта она вышла для того, чтобы иметь возможность жить и шпионить в Англии, и передавать информацию в Германию, якобы во время поездок к маме. Связная. А еще хотела устроиться переводчицей на секретный объект, понятно для чего? Ты сказала, что она уронила зеленую сумочку?

– Ой, какая я дура, с этого надо начинать! Ее отдали отцу. Мы боялись ее открыть. Вот она, – Эмма достала зеленую сумочку и положила на стол.

Я внимательно осмотрел сумочку и, не найдя ничего подозрительного, открыл ее и сразу вытряхнул на стол содержимое: зеркальце и помада, ключи от квартиры, деньги, ручка, блокнотик, расческа. Дамский пистолет «Вальтер» и записка. Та самая. Буквы еле видны,

похоже, написаны симпатическими чернилами и были проявлены не до конца. Четыре слова «Мать опасно больна поспеши». Вот она и поспешила.

– Джон, наше расследование приближается к концу, – заметила Ирен, – мне жалко не ее, а Александра. Эмма, кажется, ты рассталась со своим прежним кавалером? Я тебя познакомлю с Александром, постарайся его утешить. Ты это умеешь.

– Ты меня переоцениваешь. Спасибо. Я пойду.

Она допила шерри и встала.

– Ой, я опять забыла, Ирен, ты интересовалась местом в моем госпитале? У нас освободилось место операционной медсестры. Пойдешь? Предыдущая медсестра уронила банку с хлороформом! Что было! Ее уволили. Приходи завтра утром, я тебя представлю.

Она ушла, а мы еще долго обсуждали услышанную новость.

– Я знаю, что скажет мать Александра, когда она узнает про конец Джессики, – подытожила Ирен, – она скажет: «Я знала, это добром не кончится».

Глава 27. Плохие новости

Перед приходом Александра у меня с Ирен была маленькая ссора: она ни за что не соглашалась сообщить ему плохие новости. Пришлось бросить жребий, но, когда по жребию выпало это сделать мне, она согласилась.

– Вы позвали меня, чтобы рассказать о расследовании? Есть новости?

– В общем, да. Боюсь, ты будешь огорчен, – осторожно начала Ирен.

– Что-нибудь плохое об отце?

– Нет, разговор будет о твоей жене.

– О Джессике? Что с ней, она вторую ночь не ночует дома.

– Да о ней. Боюсь, тебе придется искать себе другую жену. Ты знал, что она хорошо знакома с суперинтендантом, который оказался немецким агентом?

– Нет. Откуда она может быть с ним знакома?

– И нам хотелось бы это знать. Вот фотография, сделанная констеблем в метро, когда она поехала на встречу со своим старым поклонником, от которого получила письмо, что ты приносил. Видишь, суперинтендант сидит рядом с Джессикой и кладет ей в сумочку записку.

– Вы узнали, что было в записке?

– Узнали. Четыре слова «Мать опасно больна поспеши».

– Значит, она поехала к матери?

– Это был шифр, предупреждающий об опасности. Джессику нашли на корабле, когда уже показались огни Нормандского берега, и, когда двое полицейских хотели ее задержать, она прыгнула в воду. Ее пытались вытащить, но не нашли.

– Это ужасно! Бедная Джессика, я не принес ей счастья. А в чем ее обвиняют?

– Видимо, она была связной и для этого ездила в Германию якобы провести мать. На собеседовании она призналась, что была членом «Гитлерюгенда», точное, его женской ветви – «Союза немецких девушек», и со своими вещами привезла сюда форму этого союза: юбку цвета индиго и белую блузу с черным галстуком. Похоже, она надеялась эту форму еще поносить! В книжках у нее был спрятан шифровальный блокнот, а на ее туалетном столике с этикеткой «Шампунь» стояла бутылочка с раствором для проявления симпатических чернил. Александр, это не все. У матери одного из членов пропавшей смены, фотографа, Джон нашел пачку фотографий фашистского митинга в Лондоне. Об этом узнал суперинтендант, который был на этом митинге и мог попасть на фото, по его указанию Джессика эти фотографии украла. И, наконец, ты сам говорил, что она интересовалась секретным центром, куда ты хочешь пойти работать в охрану. Я надеюсь, ты мужественно перенесешь эти плохие новости.

– Значит, она меня не любила и использовала, как подопытного кролика?

– Возможно, она тебя по-своему любила, но уже была связана по рукам и ногам. Теперь краткий отчет о нашей работе. Пожалуй, главный итог – выяснение обстоятельств пропажи смены и ее реабилитация. Они были похищены немецкими матросами и увезены в подводной лодке, причем это организовал все тот же суперинтендант. Мы съездили в Нюрнберг и побеседовали с фрау Кох. Она рассказала, что их похитили. Они не сопротивлялись, так как с похитителями был суперинтендант, он сказал, что это – новая смена, а их отвезут домой. Их затащили в подводную лодку. Капитан, муж фрау Кох, их пожалел и сдал не в Гестапо, а в лагерь военнопленных.

Мы побывали в лагере, где содержалась пропавшая смена, они смогли бежать, благодаря астрономическим знаниям твоего отца. Еще мы подняли со дна приписанный к маяку катер. У него было пробито дно. Ты получишь подробный отчет. Шансы на то, что твой отец жив, сохраняются, но найти его мы, увы, не смогли и намерены дело закрыть, а ты можешь потребовать свои деньги обратно. Вот, возьми книгу твоего отца, береги ее. Кто знает, какие секреты она еще хранит?

– Не знаю, как я расскажу это все матери, теперь меня туда могут и не взять, – он поднялся, – а за работу спасибо. Если что-нибудь узнаете...

В дверь постучали, и в комнату вошла Эмма, которую Ирен специально пригласила, что бы познакомить с Александром. Как она хороша! Если бы я первой не встретил Ирен, влюбился бы в Эмму.

– О, Эмма, ты принесла билеты на «Фауста»? – искусно обрадовалась Ирен, – большое спасибо! Как ты кстати пришла. Разреши познакомить тебя с нашим другом Александром. Александр, задержись, ты знаешь, кто такая Эмма? Прежде всего, моя близкая подруга, а затем дочка капитана Артура Свенсона. Того самого, кто первый заметил, как потух Скалистый маяк и сообщил об этом береговой службе.

– Это он тогда вел корабль? – остановился Александр. – В газетах было все описано очень скупо, мог бы я у него узнать какие-то подробности?

– Отец как раз дома, – Эмма сразу взяла дело в свои руки, – если ты меня проводишь, я тебя с ним познакомлю. Ирен, как тебе новая работа?

– Привыкаю, это совсем не похоже на госпиталь во время войны.

– Я слышала, что говорил о тебе главный врач, ты ему понравилась. Ну что, Александр, ты идешь со мной?

И, не дожидаясь ответа, взяла его под руку.

– Пока, встретимся в театре.

Я их догнал у самого выхода:

– Александр, ты забыл книгу!

– Ирен, – попросил я, когда гости ушли, – теперь ты меня, надеюсь, отпустишь.

– Куда?

– На тот маяк, где ты отказалась провести наш медовый месяц. Я имею право на две недели отдыха? Я уже разведаль дорогу, она начинается с авиарейса в Эдинбург. Нового дела пока нет, и я начну писать книгу о маяках. Не будешь скучать?

– Не буду, я ведь понравилась главному врачу.

Глава 28. Дело закончено

Мой рейс в Эдинбург из-за непогоды опять задержали, и я прогуливался по залу ожидания. Лондонский аэропорт совсем недавно открыли для гражданских самолетов, и единственными удобствами зала ожидания были простые деревянные скамейки и стулья, хотя работал газетный киоск и торговал небольшой буфет, где можно было купить чай или кофе.

Пассажиры задержанных рейсов читали газеты и книги, беседовали, в аэропорту легко завести знакомство. Жаль, что Ирен не смогла меня проводить, она будет ассистировать при операции.

На полу расстелили спальные мешки пять туристов: два парня и три девушки. Девушки готовят бутерброды, а один из парней наигрывает на гитаре «Песнь юга». Куда меня черти несут? Я бы мог пристроиться около этой компании, вон та беленькая на меня посмотрела, подумал я, забыв на минутку, что я уже семейный человек.

Громкоговоритель сообщил, что начинается посадка на рейс Лондон-Париж и люди зашевелились.

Молодая парочка, что целовалась на скамейке, начала прощаться. Кто из них улетает? Какой-то согнувшийся слепой в черных очках, старой женской куртке и, выдавшей лучшие времена, мятой шляпе, постукивая палочкой и задевая прохожих, пробрался к справочному киоску. Я не слышал, о чем он говорил, но понял, что ему нужен был провожатый, и вскоре вышел сотрудник аэропорта, который взял его под руку и повел к выходу на летное поле. К выходу двинулись мужчины в дорожных костюмах, при галстуках и шляпах, и женщины в модных платьях, держащие за руки мальчиков в шортах и девочек с бантиками в волосах.

Я купил свежую газету и стал искать свободное место, когда со стороны выхода на посадку раздался шум, и я обернулся на громкие мужские голоса. Повернув голову, увидел, как двое сотрудников аэропорта ведут обратно под руки слепого, который вырывается и угрожает им палкой. Голос слепого мне показался знакомым. Они завели его за барьер с надписью «Полиция», а я подошел поближе и узнал что случилось.

Когда сотрудник аэропорта вел слепого к посадке на самолет, он засмотрелся на хорошенькую стюардессу, и оба чуть не попали под трап, который грузовичок вез по летному полю. Но слепой вовремя остановился и, с криком «Куда ты глядишь, болван!», так дернул за рукав сопровождающего, что тот чуть не упал. Трап благополучно проехал, а сотрудник то ли обиделся на брань, то ли удивился, что слепой вдруг прозрел, вызвал помощь. У слепого потребовали снять очки, и когда он в ответ замахнулся палкой, его сняли с рейса до выяснения.

– Господа, – обратился к ожидающим старший дежурный, – кто-нибудь знает этого человека?

Несколько человек подошли к ограждению, в том числе и я. Если его разогнуть, он будет высокий и худой, подумал я. И это пятнышко на щеке.

– Я знаю этого человека, – неожиданно сказал я.

– Зайдите сюда.

Со слепого уже сняли черные очки, и на меня с ненавистью смотрели глаза суперинтенданта.

– Кто вы?

Я предъявил свое удостоверение.

– Откуда вы знаете этого человека?

– Это суперинтенданта Совета южных маяков Джек Тейлор, член Британского Союза Фашистов. Он подозревается в шпионаже, и у него взяли подписку о невыезде.

В этот момент радио сообщило, что начинается посадка на рейс Лондон-Эдинбург.

– Господа, это мой рейс! Соедините меня с инспектором Скотланд-Ярда Бенджамином Лестрейдом, и вы все узнаете.

– Алло, Бен, быстренько приезжай в Лондонский аэропорт. В полицейском отделении ты получишь удовольствие увидеть Джека Тейлора. Да, он нашелся, в образе слепого собирался улететь в Париж. Что? Обокрал кассу?

Суперинтендант резко наклонил голову и укусил воротник куртки. Раздается тихий хруст, полицейские бросились вперед, но уже поздно. Он согнулся пополам, упал на колени, а затем и вовсе свалился на холодный пол. В воротнике была зашита ампула с ядом.

– Пульса нет, – сообщил констебль, – он мертв.

– Алло, Бен, извини, передаю трубку дежурному констеблю. Нет, не арестовали. Почему? Как можно арестовать труп? Бен, я спешу, пока, – я отдал трубку и распрощался.

Туристы спешно собирали бутерброды, значит, попутчики.

На свой рейс я успел. Около беленькой оказалось свободное место. Загудели моторы. Скрылся в тумане Биг Бен.

Наше дело закончено. Пропавших троих нам не найти. Когда я вернусь, засяду за книгу о маяках.

Глава 29. Остров сокровищ

В Эдинбурге я посетил Совет северных маяков, где мне объяснили, как добраться до самого высокого маяка Шотландии, он находится на острове Барра-Хед и на перекладных я добрался до ближайшего к маяку городу Тобермори. Занятное местечко с разноцветными домами. Мне объяснили, что Белые прачечные, официально известные как Малайский квартал, сдавались в аренду рабам-иммигрантам. Когда рабство было отменено, дома были куплены их жильцами, которые выразили свою новую свободу и счастье в ярких цветах, которые они перекрасили в свои дома.

Местный рыбак за небольшую плату взялся привезти меня на этот остров. Нам повезло с погодой и в полдень, еще издалека, я сфотографировал белую башню маяка, стоящего на высокой прибрежной скале.

– У этой скалы, – рассказал рыбак, – во время сильного шторма разбился трехмачтовый парусник «Энни Джейн». Спаслись немногие, это было больше ста лет назад. На острове есть памятник погибшим, и с тех пор суда обходят это проклятое место.

Он привел меня к маяку и спросил, сколько мне надо времени. Я попросил его приехать за мной через неделю, надеясь, что в этом маяке найдется, где заночевать.

Мне навстречу вышла молодая девушка, как оказалось, жена одного из зрителей. Я представился.

– Джон Ватсон, журналист

– Энни. Что вам угодно, сэр?

– По заданию газеты «Утренняя заря» я пишу книгу об английских маяках и хотел бы познакомиться с вашим маяком и взять интервью у здешних зрителей.

– Они сейчас отдыхают, сэр, хотите, я вас пока повожу по острову? Я знаю его лучше этих троих, они здесь сравнительно недавно. Мой отец здесь служил много лет, а, когда решил выйти на пенсию, передал место новичкам. Он уехал, а один из новичков попросил меня остаться, и я осталась. Мы поженились.

– Здесь много жителей, – спросил я, – это такое далекое и уединенное место, чем они занимаются?

– Кроме зрителей маяка сейчас на острове больше никто не живет, – рассказала по дороге Энни, – раньше на острове жили рыбаки с семьями, 20-30 человек. Белой рыбы очень много, и достаточно птичьих яиц, видите, сколько летает птиц, иногда, кажется, что идет снег! Когда-то один охотник сумел за день поймать 600 птиц! Мы тоже кормимся птицами и едим птичьи яйца со скал, а мужчины в свободное время заняты рыбной ловлей. Что вам хочется увидеть?

– Я бы хотел сфотографировать памятник погибшему судну, это в честь него вас называли Энни?

– Наверное. Вон он стоит.

Я сфотографировал каменную стелу и памятную доску, на которой написано: «28 сентября 1853 года в этом заливе потерпело крушение судно «Энни Джейн» с эмигрантами из Ливерпуля в Квебек, и 350 мужчин, женщин и детей, утонули, а их тела были захоронены здесь».

– Так наш остров приобрел дурную славу. Постепенно люди стали уезжать: негде учить детей, нет врача, ни одного бара или магазина. Когда-то была построена небольшая церквушка с кладбищем, но она развалилась. Так мы остались одни. А остров очень красивый, здесь есть небольшая река, весной кругом цветут тюльпаны, колокольчики, красные маки и есть сосновые и березовые рощи. Вы увидите наши огороды, здесь очень щедрая земля. Говорят, со временем этот остров станет заповедником. Пора возвращаться. Когда мы подошли к маяку я увидел несколько палаток и, снующих вокруг, людей.

– А что это за палатки и люди?

– Вам не повезло, сэр, сейчас идут съемки фильма «Остров сокровищ» и очень шумно, пираты стреляют друг в друга, режиссер кричит, а наших зрителей нарядили в пиратские костюмы и дали им пиратские клички, лишний заработок не помешает. Вон тот, с попугаем – старший.

Увидев этих троих, я невольно потянулся за фотоаппаратом, но старший меня остановил, сказав, что согласно контракту, до конца съемок, снимать их могут только кинооператоры. А их просто попросили поносить выданную одежду, чтобы к ней привыкнуть.

Режиссер этого будущего фильма видно прочитал немало книг о пиратах. Все трое были в широких светлых рубашках с длинными рукавами и оборками на манжетах и воротнике, заправленных в короткие штаны до колен, поверх рубашек были надеты кафтаны, а чулки заправлены в высокие сапоги, украшенные пряжками. Все трое носили бороды, подражая известному пирату «Черная борода». У старшего на плече сидел попугай, у второго за поясом был нож, а третий, самый молодой носил черную повязку на левом глазу. Да, не хотел бы я встретить эту тройку в темном переулке!

Я представился, объяснил, что пишу книгу о маяках и мне Совет северных маяков указал этот маяк, как самый высокий в Шотландии.

– Я бы хотел послушать ваши рассказы о маяке и службе на нем, – попросил я, вручая старшему рекомендательное письмо. – Хотелось бы знать, чем вы тут заняты и почему выбрали такое отдаленное и уединенное место? Как этот маяк пережил годы войны? Смогу я у вас неделю пожить?

– Место найдется. Близится вечер и нам надо подготовить маяк к работе, – сказал старший, просмотрев письмо, – отдохните, выпейте кофе, мы сделаем нашу работу и будем к вашим услугам. Сегодня съемок не будет.

Он снял с плеча попугая, а Энни принесла кофе и пастуший пирог.

– Угощайтесь, сама пекла.

Пирог мне понравился. Я расслабился, и, поскольку стало холодать, натянул свитер Джеймса Миллера, что дала мне его мать, и развернул книгу Германа Оберта «Пути к воздухоплаванию», которую выпросил у миссис Моррис.

Приятно будет отдохнуть на этом острове недельку, заодно посмотрю, как снимают кино.

Глава 30. Странный контракт

Все трое появились, когда уже стемнело.

– Мы к вашим услугам, сэр, – сказал старший, вам повезло, посмотрите. какая звездная ночь. Он достал из клетки попугая и посадил себе на плечо, – задавайте вопросы. Можно посмотреть вашу трубку? Красивая вещь. Но и моя не хуже, хотите, обменяемся?

– Не могу, если честно, трубка не моя. Я бы хотел, для начала, немного узнать о самом маяке.

Остальные двое тоже налили себе кофе.

– Про маяк лучше расскажу я, – предложил пират с ножом за поясом.

– Маяку больше ста лет. Свою историю он начал в 1833 году. Тогда этот маяк был одним из самых важных и значимых в Шотландии. Установка маяка объяснялась опасными скалами и необыкновенными волнами, которые путали моряков со всего мира. Строил его инженер Роберт Стивенсон. Высота башни 208 метров. Сначала светили масляные лампы, сейчас установили генератор и работает электричество. Лампы мигают каждые 15 секунд, но это уже придумал я. Видимость огня – 18 морских миль. А вы увлекаетесь воздухоплаванием? Можно посмотреть вашу книгу? Здесь трудно достать такого рода литературу. Можете мне дать ее почитать?

– Нет, я не увлекаюсь воздухоплаванием, и книга, если честно признаться, не моя. А чем заняты вы все свое рабочее время? Ну, зажгли маяк и идете себе спать?

– Спим мы по очереди, кто-то должен быть на смотровой площадке, следить за работой оборудования, при необходимости, связываться с Советом, недавно установили радиосвязь.

– Что-нибудь известно о работе маяка в годы войны?

– Очень мало, – вступил в разговор самый молодой с черной повязкой на левом глазу. – Сюда не долетали немецкие ракеты. Хотя, мы узнали, что во время войны из-за тумана наш бомбардировщик врезался в скалы. Я нашел его обломки. Здесь бывают очень холодные вечера, хорошо, что вы захватили с собой теплый свитер. Какой красивый! Его связала ваша жена?

– Моя жена не умеет вязать. Почему вы выбрали работу на маяке так далеко? Вам не бывает тоскливо в этой глуши?

– Бывает, – признался владелец попугая, – но мы искали работу, а многолетний смотритель маяка ушел на пенсию и нас взяли. У каждого из нас есть свое увлечение, здесь бывают фоторепортеры, рыбаки и охотники. Вот снимают кино. Завтра мы вас поведем по маяку. А сейчас спокойно ночи.

Меня отвели в небольшую комнату и оставили одного. Я стал приводить в порядок свои записи, жаль, что не могу сфотографировать этих пиратов. Ветер тихонько завывал в створках окна, похоже, погода стала портиться.

Утром, после завтрака меня повели на маяк.

Подъем на смотровую площадку занял, наверное, полчаса. Ради меня, поднимались медленно, не спеша, с остановками, как оказалось, точное число ступенек не знал никто. Вид с маяка был изумительный. Я увидел себя, как бы висящего над океаном, окруженного с трех сторон пропастью, воздух в которой переполнен птицами, что создавало впечатление сильной снежной бури. Крики этих птиц, смешанные с ревом океана и воем огромных порывов ветра, поднимающегося снизу, словно его проталкивали через дымовую трубу, делали наш разговор почти неслышным. Я с трудом отдышался, эта работа явно не для меня.

Мне разрешили сфотографировать лампу и зеркала, отражающие ее свет, запечатлеть признаки надвигающегося шторма и птиц, тревожно носившихся вокруг маяка, а в это время смотрители протирали стекла, убирали мусор, измеряли температуру, давление воздуха, силу ветра и сообщали на большую землю о состоянии погоды, что будет немедленно передано капитанам ближайших кораблей.

Когда мы спускались вниз, я стал считать ступеньки и насчитал ровно 1012 штук.

Потом за чаем у меня со старшим смотрителем шла неспешная беседа. Я узнал, что эти трое воевали в рядах французского сопротивления и чуть не погибли, когда в конце войны в рыбацком поселке на берегу Ла-Манша, где по случаю Пасхи их пожалел незнакомый рыбак и за небольшую плату вызвался перевезти через пролив. А посередине пролива он вдруг с криком «Хайль Гитлер» достал пистолет с явным намерением прикончить всех троих.

– Только благодаря мгновенной реакции одного из нас, выбившего пистолет из рук коварного благодетеля, нам удалось спастись. После короткой схватки мы его выбросили за борт, а какое-то судно подобрало нас и доставило на английской берег. А как вам пришла идея написать книгу о маяках, сэр? – спросил он, поглаживая своего попугая.

Тут наступила моя очередь рассказать о себе, о ранении во время высадки в Нормандии, знакомстве с Ирен, и расследовании пропажи смены со Скалистого маяка.

– Да, мы слышали о пропаже смены со Скалистого маяка, – в газетах было, что они самовольно покинули маяк, и их осудили заочно. За такое по головке не погладят. Вам удалось их найти?

– Нет, найти их не удалось, но расследование полностью доказало, что они не виноваты. Их похитили! И что интересно, среди похитителей был знакомый им человек, поэтому они без сопротивления покинули маяк. А мы смогли его найти, это был фашистский агент – суперинтендант, работавший в Южном совете маяков. Повторный суд их полностью реабилитировал. Да, а найти их так и не удалось. Вероятно, они погибли. Что такое трое погибших, когда на войне счет шел на миллионы. На этом дело закрыли.

– Значит, их реабилитировали? А как на это прореагировали их семьи?

– Потребовали выплатить им пенсии по потере кормильца за прошедшие семь лет. И деньги эти получили!

– Очень любопытная история, мы давно не получали свежих газет. Приятно было познакомиться, а нам пора на съемки.

Неделя пролетела, как один день. Вон уже приближается за мной лодка.

– Большое спасибо всем. Моя поездка к вам очень удалась. Да, а я не записал ваши имена.

– Согласно контракту, пока не кончатся съемки, мы должны называть наши имена только так: Джон Сильвер, Билли Бонс и Бен Ганн.

Я записал эти имена. Станный контракт.

Глава 31. Тайное становится явным

Я вернулся в Лондон поздно вечером, предвкушая, как расскажу Ирен о своей поездке, но ее не было дома. Я съел ужин, приготовленный мисс Хадсон и спросил, не знает ли она, где Ирен? Не знает. Хотел поработать над собранными материалами, но дорожная усталость погнала меня в холодную постель. Утром я проснулся, как и лег, один. Надо будет повидать этого главного врача, я вызову его на дуэль!

Днем я приводил в порядок свои записи. Чтобы книга о маяках получилась достоверной, надо еще побывать, как минимум, в двух маяках, самом восточном и самом западном. Это я сделаю после того, как мы с Ирен съездим в свадебное путешествие. А вот и она.

– Ирен, где ты ночевала? Больше я тебя не оставляю дома одной.

– Успокойся, я ночевала у Эммы, мы обсуждали, где лучше всего провести медовый месяц. Я уговорила ее поехать с нами, и уже взяла билеты на океанский лайнер «Мавритания», это будет его первый послевоенный рейс, мы поедem в Нью-Йорк.

– Что значит с нами? Она будет третья?

– А ты уже облизнулся. У нее тоже будет медовый месяц, они с Александром решили обвенчаться. И еще много новостей, а твоя поездка удалась?

– Да, я привез много материалов. Очень живописный остров и красивый маяк. Ты представляешь, на острове кроме служителей маяка не живет ни одна душа. Вот где можно увидеть природу в первозданном виде, вот куда еще не добралась цивилизация!

– Ты ведь хочешь писать не о цивилизации, а о маяках. Что за люди там живут?

– Очень интересные люди, я как будто попал на остров сокровищ! Там снимали фильм по этой книге и, если бы ты поехала со мной, то увидела бы Джона Сильвера с костылем и попугаем на плече, Билли Бонса с кортиком за поясом и Бена Ганна с черной повязкой на глазу. Так выглядят эти трое смотрителей маяка. Живя в такой дали, они многого не знают и удивляются каждой новой вещи. Ты знаешь, чтобы помнить о нашем незавершенном деле, я покуриваю трубку Роберта Джонса, почитываю книгу Уильяма Морриса и надеваю в холодные вечера свитер Джеймса Миллера.

– И что же?

– Так вот, Джон Сильвер предложил мне обменяться трубками, Билли Бонс заинтересовался космическими путешествиями, а Бен Ганн спросил...

– Бен Ганн спросил, кто тебе связал такой красивый свитер! – прервала меня Ирен.

– Откуда ты знаешь, ты что, ясновидящая?

– Рассказывай дальше.

– Они сообщили, что во время войны бежали из лагеря, воевали во французском сопротивлении, и какое-то судно их подобрало, когда они на лодке пытались пересечь Ла-Манш. А называли они себя именами героев «Острова сокровищ», потому что так записано в контракте. Да, во время съемок один из участников фильма заболел и мне предложили роль!

– Я тебя увижу в кино?

– Нет, ты услышишь только мой голос. Но в титрах будет написано: «Читает текст Джон Ватсон». Теперь давай твои новости.

– Первую я тебе уже сообщила. Вторая: суперинтенданта опознали, за его поимку вознаграждение получил Бен и честно с нами поделился. Эти деньги мы и прокутим во время нашего медового месяца в Нью-Йорке.

– Почему ты выбрала Нью-Йорк?

– Во-первых, там есть что посмотреть. Мы погуляем по знаменитому Бруклинскому мосту, сооружение которого стоило жизни 27-ми строителям. Мост висит на канатах, и через неделю после его открытия поползли слухи о его скором обрушении (возможно, постарались оставшиеся не у дел владельцы паромов). В городе то время гастролировал цирк Барнума и, после того, как мост пересекла процессия из 20-ти слонов, жители Нью-Йорка уверовали в его прочность! Мы поднимемся на стоэтажный Эмпайр Стейт Билдинг, сфотографируемся у статуи Свободы и прогуляемся по Бродвею. Еще я хочу установить связь с агентством Пинкертона, мы его найдем по вывеске, на которой изображен огромный глаз, с девизом «Мы никогда не спим».

– А во-вторых?

– А во-вторых, посетим кладбище Вудлон, где похоронена моя бабушка.

– Разве твоя бабушка похоронена в США?

– Так она ведь американка. Она родилась в штате Нью-Джерси. Уже в детстве у нее появились задатки артистки, и родители отдали ее в музыкальную школу. Оказалось, она имеет редкий голос – контральто. Когда она повзрослела, то стала выступать на сценах, и во время одного из концертов в нее влюбился молодой красавец Вильгельм Ормштейн, наследный принц Богемии. С его помощью бабушка стала петь в знаменитых театрах, но у их романа был печальный конец, причину которого, видимо, не знал твой дедушка. Неожиданно умер король Богемии, и моя бабушка утверждала, что в этом замешана его семья. После этого Вильгельм разорвал с ней отношения, и из-за его угроз ей пришлось покинуть Англию. Я и Эмма уже взяли отпуск в госпитале, Александр пока ищет работу, не исключено, что будущий тесть ему предложит место на корабле.

– Ты сказала, что много новостей. Это все?

– Почти все. Нашлась пропавшая смена Скалистого маяка. Приехал отец Александра. Он открыл новую звезду и привез с собой попугая.

Эпилог

Читатели уже знают, что пропавшая смена Скалистого маяка нашлась, и в этом не последнюю роль сыграло детективное агентство «Холмс и Ватсон». После окончания свадебного путешествия, где Джона хотели отравить, а Ирен чуть не утопили, они расследуют новое дело о пропавших бриллиантах из сейфа владельца фирмы по поиску затонувших кораблей.

Бенджамин Лестрейд иногда их навещает, советуясь по запутанным делам, а дедушка Ирен, Шерлок Холмс, никак не может найти пропавшего кота.

Отец Александра, Роберт Джонсон, по требованию жены расстался со службой на маяке, ему предложили место в обсерватории в Данди, к нему вернулась его любимая трубка.

Изобретатель Уильям Моррис остался служить на острове Барра-Хед, ждет первенца, и работает над ракетой для космических стартов, в чем ему помогает книга Германа Оберта «Пути к воздухоплаванию», а фотограф Джеймс Миллер вернулся к матери и носит связанный ею свитер. Он вновь служит на Скалистом маяке, надеясь завершить свой фотоочерк о море.

Что случилось с немецкой связной из Нюрнберга доподлинно не известно. Говорят, на нее очень похожа одна молодая американская актриса, может это и Джессика, наверняка она умеет хорошо плавать, ведь она дочь моряка.